

Анна Дант

Арника

ПУТЬ К СЧАСТЬЮ

Анна Дант

Арника. Путь к счастью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69784573

0101

Аннотация

Судьба подарила мне шанс: спасла от жестокого мужа, закинув нас с дочерью в чужой мир. Но оказалось, что и там не так-то просто выжить. Если ты не замужем и не вдова, ты – падшая. А значит, готовься к нападкам чужих мужей и к ненависти всех окружающих женщин. Глухая деревня, старушка – травница, ветхий домик, десяток кур и коза – всё, что у нас теперь есть.

Я выстою и стану счастливой! Не смотря ни на что!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	37
Глава 4	51
Глава 5	69
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Арника. Путь к счастью

Автор: Анна Дант

Глава 1

– Арина Владимировна, простите, но мы ничем помочь не можем, – отведя взгляд, говорит София Павловна. – Ваш муж, он...

– Я понимаю, – перебиваю женщину, смахивая слёзы. – Прошу только об одном. Дайте нам десять минут и мы исчезнем, не говорите Ярославу пока. Скажете потом, что сбежали.

– Конечно, – кивнула директор кризисного центра, в котором мы с Яной затаились. – Мне очень жаль. Вам бы уехать из города, желательно на другой конец страны.

– Спасибо за совет, но мужу не составит труда отыскать нас и на краю света.

Я кивнула женщине и направилась в маленькую комнату, последнюю неделю служившую нам с дочерью домом. Ну что же, и с этим убежищем придётся расстаться. За год это уже пятый кризисный центр, где я пытаюсь найти защиту. Тщетно. Ярослав, благодаря связям и деньгам, снова и снова находит нас, заставляет бежать с насиженного места. Словно зверя загоняет, вынуждая петлять по лесу. Да, муж любит

охоту, и опыт имеет не малый. В этот раз охота не на животное. Думать, что будет, если Ярослав нас найдёт, не хотелось.

– Яночка, нам надо собираться, – пробормотала я, зайдя в комнату. И тут же сердце сжалось от боли – в голубых глазах дочери промелькнул страх.

– Папа приехал? – напряженно спросила малышка, смотря на меня внимательно. Не должно быть такого взгляда у четырёхлетней малышки. Не должна она знать, что такое боль, страх, побег.

– Нет, маленькая, но нам всё равно необходимо уехать, – успокоила я Яну, принимаясь складывать в сумку вещи, которых толком и не было.

Через пять минут мы уже стояли на улице. Куда бежать? В Новгороде у нас не было ни друзей, ни знакомых, как и в остальных. Но страх гнал... Гнал вперёд, не давая остановиться хоть на секунду и отдышаться. Нельзя... Ужас, тот, что уже год заставляет Яну просыпаться от кошмаров, велит бежать. И я бегу... С дочерью на руках, с потасканой сумкой за плечами, на попутках, перекусывая дешевыми булочками для хотдога. И стараюсь не умереть от чувства вины... Если бы я знала...

Размышления прервал визг тормозов. Я дёрнулась, уже решив, что Ярослав приехал раньше. Но за рулём красного пикапа сидела стройная, миловидная блондинка.

– Подбросить? – весело спросила девушка, подмигивая Яне.

– Да, если можно, – устало согласилась я и усадила дочку на сиденье, пристёгивая ремнём безопасности.

Спустя минуту мы уже отъезжали от кризисного центра, а я украдкой наблюдала за блондинкой.

– Я – Валенсия, – представилась девушка, лихо выкручивая руль и входя в поворот. – А ты Арина, верно?

– Верно, – шепнула я, бледнея и чувствую, как леденеют руки.

– Не бойся, – усмехнулась девушка, съезжая с главной дороги в какие-то дворы. – Я знаю про тебя и эту малышку всё, но вреда вам не желаю.

– Кто вы? – тихо спросила, понимая, что на этот раз Ярик победил.

– Своё имя я тебе сказала, остальное узнаешь потом. – отмахнулась блондинка и тут же задала встречный вопрос – Ты от мужа навсегда сбежать хочешь?

– Да я даже на другую планету, или в другой мир готова сбежать, лишь бы Павлинин нас не нашел? – горько усмехнулась, отворачиваясь к окну и пытаюсь не заплакать.

– В другой мир говоришь? – хмыкнула Валенсия. – А ты уверена в этом? Ведь и там может быть не сладко. Уверена, что не хочешь вернуться к мужу?

– Если вернёмся – не выживем, – покачав головой, ответила я. – Ярослав ясно дал понять, что нас ждёт дома.

– Я не хочу к папе, – хныкнула Яна, вжимаясь в спинку сиденья.

– Что же, раз вы настроены так серьёзно, то переход даже не почувствуете, – пробормотала девушка.

– Какой переход? О чём вы? – я нахмурилась и отстегнула ремень безопасности. – Валенсия, а посадите нас вот здесь. Тут как раз недалеко от вокзала.

– Смешная ты, – хихикнула девушка, в чьей адекватности я стала сильно сомневаться. – Сначала спастись хочешь, затем от помощи отказываешься. Боишься? Не стоит, я не причиняю вреда. Вредите вы себе сами. Неправильным выбором, сомнительным решением. Вот ты замуж вышла по большой любви ведь. Родителям кричала, что жить не можешь без любимого. А ведь стоило прислушаться к старшим. Теперь бежишь, трясясь словно заяц, что прошлое настигнет. Но ничего, вам ещё можно помочь. И то только потому, что ни ты, ни дочь не испытывают к этому миру сильной привязанности.

– Это какой-то бред, – прошептала я. Если бы была одна, выпрыгнула бы на ходу, но дочь я такому риску подвергнуть не могу.

– Ой, не сосчитать, сколько раз я это слышала, – хихикнула девушка. – А потом “Спасибо, Валенсия, спасла меня!”. Сидите спокойно, тут немного осталось.

Я глянула на дочь. Янка росла улыбчивой и беззаботной, как и положено детям. Любила играть в игрушки, с радостью бежала к папе, когда тот возвращался. А потом сказка кончилась... Теперь Яна со страхом смотрела на Валенсию, крепко

сжимаю мою руку. Она больше не верила в добрых людей. И не известно, поверит ли.

– Ну вот мы и на месте, – тихо сказала девушка.

Я перевела взгляд на дорогу и с удивлением обнаружила, что мы уже не в городе, а в настоящем лесу.

– Зачем мы здесь? – я старалась говорить спокойно, с трудом сдерживая дрожь. Не стоит пугать Яну.

– Ну как же, – хихикнула безумная. – Ты хотела спрятаться? Спасти себя и дочь? Вот и спасай.

Я растерянno посмотрела на лес. Уже вечер, совсем скоро стемнеет окончательно. Как пережить ночь в лесу? Да ещё и с ребёнком.

– Валенсия, пожалуйста, отвези нас обратно в город, – хрипло попросила я.

– Нет-нет, межмировые порталы не так-то легко преодолеть, – блондинка замотала головой, а затем повернулась ко мне. Мне наверное показалось... Её глаза горели неестественным, жёлтым светом. – А сейчас вам просто нужно уснуть, вот и всё.

Валенсия протянула руку и дотронулась до моего лба. Я хотела возмутиться, но не успела. Глаза сами собой закрылись, а я провалилась в сон.

В себя пришла рывком, тут же распахнула глаза и огляделась. Я уже была не в машине, а на заднем дворе деревянного, маленького домишки. Рядом лежала Янка.

– Яна, доченька! – воскликнула я, дотрагиваясь до лица малышки.

Тихое и ровное дыхание порадовало. Яна просто спит. Аккуратно поднявшись, я размяла затёкшее тело и взяла дочь на руки. Не знаю, что произошло, но единственное, что я сейчас могла сделать, это постучать в дверь дома. Может там мне объяснят, что произошло?

Не успела я и шагу ступить, как раздался громкий лай. Я остановилась в нерешительности. Дверь видна, до неё совсем немного, но что, если собака не на цепи? Да и если судить по грубому лаю, там никак не болонка.

– Ну что разлаялся? Спать только мешаешь! – раздался голос из дома. а следом открылась дверь. – А вы ещё кто такие?

Я смотрела на старушку, крепко сжимающую свечу. Белый платок на голове, серое, потёртое платье. Но больше всего меня поразила именно свеча. Только тут я заметила, что на улице уже достаточно темно, а фонари не горят. Нет света? Отключили из-за неполадок?

– Здравствуйте, – я несмело шагнула вперёд. – Мы с дочерью попали в беду. Не могли бы вы нам помочь?

– С дочерью, говоришь? – хмыкнула старушка. – Ну проходи, хоть чаем угошу. Но смотри, без глупостей, я хоть и старая, а вот сил во мне достаточно.

– Ну что вы, мы без злых намерений, – постаралась успокоить бабушку. – Нам бы понять, где мы оказались.

Я уже подошла к двери, как старуха резко развернулась ко мне лицом и внимательно осмотрела нас с дочерью.

— Где оказались, говоришь? — пробормотала женщина. — Никак, Валенсия платы потребовала. Что же, верю, что без зла.

Я прошла в дом и растерянно остановилась. Не важно, как домик выглядит снаружи. Всё же, не у всех есть возможность сделать качественный ремонт. Но внутри... Сложилось ощущение, что я попала в далёкое прошлое. Низкие потолки, мутные, маленькие окна, свечи горят. Я уже молчу, что сбоку стоит большая печка.

Мебель тоже была забавная. Вся деревянная, простенькая, без резных узоров.

— Иди за мной, — проскрипела старушка. — Положишь дочку, а сама придёшь. Разговор есть.

Меня завели в тёмную, маленькую комнатку. Настолько крохотную, что помимо кровати и сундука здесь больше ничего не поместилось. Только и хватит места, чтобы переодеться да поспать.

— Здесь будете жить, — буркнула женщина. — Кровать маленькая, но и вы не толстые, поместитесь. Всяк не на улице.

— Спасибо, — тихо поблагодарила я женщину.

— Не мне спасибо говори, а Валенсии. Просто так она людям не помогает, значит, в беде сильной были и о помощи молили.

— Молили, — подтвердила я, гадая, кто же эта самая Ва-

ленсия.

Уложив дочь и накрыв тонким покрывалом, я вышла из комнаты, притворяя за собой дверь.

– Садись, разговор долгим будет, – негромко произнесла женщина.

Сама она открыла печь и достала оттуда чугунную кастрюлю.

– Где мы? – спросила я, как только села.

– Вы в маленькой деревушке, Маковке.

– Никогда о такой не слышала, – удивлённо покачала я головой.

– И не могла. Из другого мира вы, вот так вот. Понимаю, не веришь, сама не верила поначалу. Но Валенсия спасает качественно, здесь вас прошлое не настигнет.

– Это мало похоже на правду, – я нахмурилась. Просто не верилось. Да и как в такое поверить?

– Похоже или нет – дело десятой. Просто прими как данность, твой мир остался далеко позади. Слушай и запоминай. Названия, как такового, у мира нет. Как и в других мирах, мы называем свой просто Земля. А вот королевство называется Рент. Мы в глуши живём, новости до нас доходят с опозданием, но вроде как сейчас правит Гвар второй. Мужик он справедливый, налоги не сильно завышает. Да только где столицы, а где мы. Тут своих хватает, мнящих себя корольками. Но это тебе не так важно. Так вот, деревушка тут всего на тридцать домов, маленькая, все друг друга зна-

ют, новых жителей мало. Я здесь уже, почитай, лет тридцать живу. Лечу людей.

– Вы врач? – удивилась я.

– Травница, – хмыкнула старушка. – Лекарей в округе не сыщешь. Если только в Гаране, город в трёх днях пути отсюда. Да и услуги стоят немало. Простому деревенскому жителю столько и за год не заработать.

Старушка замолчала. Подвинула мне чашку с каким-то отваром и присела напротив. Её внимательный взгляд остановился на моей правой руке. Поджав губы, женщина тяжело вздохнула.

– Что-то не так? – спросила я, делая глоток.

– Браслета брачного на тебе нет, – недовольно буркнула женщина. – Плохо это.

– У нас и не приняты браслеты, а кольцо обручальное я сдала в ломбард, когда деньги начали заканчиваться.

Я тяжело вздохнула, вспоминая тот день. Единственное хорошее в Ярославле – он не был жадным. Обручальное кольцо было крупным, с большим, драгоценным камнем. В ломбарде за него дали тогда неплохую сумму.

– Плохо, – повторила женщина. – Деревенские на это в первую очередь внимание обращают. Ты – девка молодая, красивая. А уже с ребёнком, значит нагулянный.

– Не понимаю, какая им разница, – растерялась я.

– А такая, – хекнула бабушка. – Говорю же, молодая, красивая, моралью не обременена, раз не замужем и не вдова.

А бабы местные за мужиков своих боятся. Мало ли уведёшь, где они ещё найдут, в деревне мужиков чуть ли не с колыбели разбирают. Да и сами мужики.

– Что? – вырвалось у меня, потому как я подозревала, каков будет ответ.

– А всё тоже. Будут пытаться под юбку залезть, кобели.

– И что же делать? – стало страшно. И за себя, и за Янку. Я то выстою, но вот Яночка... Это же какие слухи поползут?

– Думаю я, – буркнула женщина. – Браслет никак не достать, в храме их выдают.

– А если сказать, что потеряла? – с надеждой спросила я.

– Не теряют их, – поджав губы, вздохнула старушка. – Магией скрепляется, когда обряд проходят. А если муж умер, то чернеет браслет. Но ни потерять, ни сломать его нельзя. Вот так вот.

Она подняла руку и тряхнула запястьем, из-за рукава показался чёрный браслет.

– Легенду мы тебе придумаем, но сложно будет. Ой как сложно. Не думаю, что твоя прошлая жизнь была так же плоха.

Я хотела ответить, что всё это мелочь, но не успела. Из комнаты донёсся плач. Поднявшись, поспешила успокаивать дочь. Не впервые. Последний год она спит урывками, очень часто просыпается с криками. Да чтобы Ярослава машина переехала, сволочь! Так ребёнку психику испортить!

– Тише, маленькая, тише. Всё хорошо, – я погладила ма-

лышку по белым волосикам.

– Мне папа снился. Он нас нашёл? – всхлипывая, спросила Яна.

– Нет, милая, он нас больше никогда не найдёт, – успокоила дочь. – Папа очень далеко и просто не сможет за нами приехать?

– Правда? – с надеждой спросила Яна.

Сердце в который раз сжалось от боли. Сволочь, какая же он сволочь. Ладно я, я взрослый человек, который может перебороть страхи. Но дочь за что?

Дверь скрипнула, приоткрываясь и пропуская травницу.

– Держи, – женщина протянула мне кружку. – Успокаивающий отвар. Поможет заснуть.

Я поблагодарила кивком и погладила всхлипывающую дочь:

– Яночка, надо лекарство выпить.

– Я заболела? – удивлённо спросила малышка.

– Нет, что ты. Это как витаминки.

Дочь безропотно выпила отвар и легла на подушку, набитую сеном.

– Постарайся заснуть, хорошо? И ничего не бойся.

– Ты уйдёшь? – тревожно спросила Яна, хватаясь за мою руку.

Но видно было, что отвар начал действовать. Дочь зевнула.

– Я буду за дверью. Но посижу рядом, пока ты не заснёшь.

Я гладила Яну по голове, прислушиваясь к спокойному сопению. Когда убедилась, что она уснула крепко, вышла из комнаты.

– Рассказывай, что у вас там случилось? – хмыкнула женщина. – Никогда не видела, чтобы дети так сильно боялись.

– Как мне к вам обращаться? – я вспомнила, что так и не узнала имени травницы.

– Бабушка Веся меня зовут. Вообще, Валя. Валентина, но для деревни это имя сложное. А тебя-то как?

– Арина, а дочку Яна, – отозвалась я.

– Яна ещё ничего, а вот твоё имя необычное слишком, – нахмурилась бабушка Веся. Она молчала несколько минут, а затем заговорила вновь. – Я знаю, кем ты будешь. В деревне все знают, что дочь у меня есть. Я раз в год к ней езжу. Арника зовут. Вот будешь той самой дочерью. Тогда вопросы не возникнут, откуда ты у меня взялась. Будешь Арникой, научу тебя в травах разбираться, помогать станешь. Дочь и внучку единственной травницы в округе не тронут, я и отплатить могу. Да так, что мало не покажется. Но издевки всё равно будут. И мелкие пакости тоже.

– Спасибо, – шепнула я, потому что говорить нормально не было сил, в горле стоял ком.

– Да не за что, – отмахнулась бабушка. – Только не забывай меня мамой звать. Я завтра утром тебе расскажу легенду, которой ты должна будешь придерживаться. Радуйся, что дочка у тебя махонькая, да ещё и говорит не очень понятно.

Тайну не раскроет. Рассказывай, что у тебя произошло? От кого бежишь?

Я тяжело вздохнула. Сколько раз за год я рассказываю одну и ту же историю? Не счесть. В кризисных центрах, в больнице, а однажды даже полиции.

— Я вышла замуж едва восемнадцать исполнилось, — начала я, невидяще смотря на стол. — Ярослав был для меня всем. Галантен, добр, богат. Мои родители против были, ругались. Не нравился им мой жених. Но любовь слепа. Ярик носил меня на руках, дарил подарки и был чутким мужем. Когда я забеременела Яной, спустя два года после брака, Ярослав немного изменился. Стал больше хмуриться, ругался. Это сейчас понимаю, что он просто пользовался властью, а тогда... Ужин успел остыть до его прихода? Дома скандал, кричал, что я дура и неумеха. Я винила себя, ведь именно со мной муж так изменился, старалась больше. Но всё становилось только хуже. Когда Яночка родилась, Ярослав словно с цепи сорвался. Кричал по любому поводу. Выгнал меня спать в детскую, якобы я мешаю отдыхать. Но руку не поднимал. Впервые ударил, когда Яне был годик. Она заболела сильно, температура высокая, плакала. А я успокоить не могла. Ночью Ярослав ворвался в детскую и сильно ударил меня по лицу, кричал, что я никудышная мать, которая даже ребёнка успокоить не в состоянии.

Я не заметила, как по щекам потекли слёзы. Передо мной

появилась кружка с тем же отваром, которым я чуть раньше напоила дочь. Благодарно кивнув и глотнув отвар, продолжила дальше.

— На следующий день муж вновь стал ласковым, уверял, что он просто потерял контроль. Просил прощения, клялся, что такого больше не повторится. Но он лгал. Я начала получать тычки, пинки, подзатыльники всё чаще и чаще. За грязную тарелку в раковине, за неправильно сложенное полотенце. Тогда я приняла решение, что мне нужно уходить. Мама к тому времени уже умерла, папа жил один. Он с радостью принял нас обратно, но я вновь допустила ошибку. Ярослав приехал через неделю, умоляя вернуться. Клялся, что начал ходить к психологу. Что у него просто проблемы в бизнесе, поэтому он так злится. Рассказывал, что жить не может без меня и Яночки. Я уехала с мужем. Папа был против, конечно, но я не послушала. Какое-то время всё было прекрасно, муж был обходителен, добр, начал раньше приходить с работы, гулять с нами. Затем умер папа. Муж предложил продать старенький дом и вложить эти деньги в бизнес. Глупая я, послушала. Подписала необходимые документы, вовлекая нас с дочерью в ад. Спустя пару месяцев после переоформления всех документов, я узнала, что у мужа есть любовница. Прямо как в фильмах, ею оказалась секретарша. Я не сдержалась, устроила скандал, кричала на мужа, что он нас предал. Зря я так, надо было просто молча уходить. Ярослава словно с ума сошёл. Ударил меня кулаком в лицо, а затем

продолжил пинать, когда я упала. Яночка испугалась, подбежала ко мне, попадая на глаза мужу. Он переключился с меня на дочь. Не знаю, откуда взялись силы, но я встала кое-как и обрушила на голову мужа кадку с цветком. Ярик потерял сознание, а я схватила малышку, кое-какие вещи, документы и бросилась из дома. Врачи удивлялись потом, что я встать смогла, с такими травмами. Наверное, это и есть состояние аффекта. Соседи, к которым я обратилась за помощью, вызвали скорую и полицию. Янка тогда сильно пострадала, потеряла сознание. Как оказалось, у неё было сотрясение и множество ушибов. Нас забрали в больницу, полиция взяла показания. Я тогда думала, что всё закончилось, что Ярослава если и не накажут, то хотя бы какая-то защита у нас будет. Я ошиблась. Ярослав пришёл в полицию и сказал, что я сошла с ума. Избила дочь, а потом бросилась на него. Он защищался, всего лишь. Ему поверили. Деньги и связи сделали своё дело и в полиции, и в больнице. Мне помогла бежать санитарка, узнав, что вызвали бригаду из психиатрической больницы. Ярослав собирался упечь меня в психушку, а затем сделать недееспособной, забрав опеку над Яночкой себе. Я почти год петляла по разным кризисным центрам, но он находил снова и снова. Это был последний центр, куда я обратилась. Ярослав нашёл и там.

– Потом ты встретила Валенсию, верно? Совершенно отчаявшись, – грустно усмехнулась женщина.

– Да, – подтвердила я и замолкла.

– Потрепала тебя судьба, ничего не скажешь. Но ничего, здесь тебя не достанет муж. Безоблачную жизнь не обещаю, сама понимаешь, но и не погибнешь от лап монстра. Тебе бы, конечно, в город. Там не так смотрят на браслет, но помочь с монетами я не смогу, нет их. А без дохода там не выжить. Лишь в тавернах подрабатывать. Но опять же, мыть пол и убажывать клиентов. Тем более, у тебя нет образования. Кое-чему я тебя научу: в травах разбираться, да грамоте. А в остальном не помощник, сама мало что знаю.

– Спасибо, главное, чтобы дочь в безопасности росла, – тепло поблагодарила я женщину.

– Только помни, однажды, у порога твоего дома появится человек, которому нужна будет помощь. В нём что-то будет не так, ты поймёшь. Значит это Валенсия потребовала плату за то добро, что сотворила, спасая тебя и Яну.

– Кто она, эта Валенсия? – спросила я наконец. – Волшебница?

– Здесь она известна, как богиня судьбы, – легко ответила женщина. – Правда, ей не поклоняются, да и дела её незаметны для окружающих. Запомни, никто и никогда не должен узнать, то ты не из этого мира. Иначе быть беде. Будут изучать, а может и пытаться, приняв за шпионку. Я подумаю ночь, а завтра расскажу тебе легенду, которую ты крепко должна запомнить. Одежду свою сними и убери подальше, а лучше сожжем в печке. Всё, что может указывать на другой мир, уничтожь. Иначе быть беде, попадёте и вы, и я.

– Хорошо, я всё сделаю, – тихо отозвалась я, испуганно глядя на женщину. Затем заинтересованно спросила. – А как попали сюда вы?

– Когда попала я, была война. Заметила же, что стара я уже. Вот молодой девочкой меня и схватили фашисты. К счастью, сделать ничего не успели, Валенсия услышала призыв о помощи. Очутилась в этом мире, живая и здоровая. А так как медсестрой на фронте была, то и стала травницей. Нас ещё знахарками называют. Помогли мне изучить травы, да отпустили в мир. Спустя много лет влюбилась в купца. Ох и хорош был Демид! И как мужчина, и как хозяин. И не кривись, – бабушка усмехнулась, глядя на меня. – Не все мужики такие, как твой Ярослав. Да и от нас многое зависит. Сама знаешь, ушла бы сразу, не было бы таких последствий. Так вот, Демид в жёны меня взял, хорошим мужем был. Жаль, погиб рано, и пятидесяти не исполнилось. А я и не стала искать больше никого, приехала сюда, да так и осталась.

– Сложно, наверное, одной, – грустно прокомментировала я рассказ.

– Да что сложного? Я же не просто бабушка одинокая, а травница. Плату прошу не монетами, а делом или продуктами, порой. Так и выживаю. Не как барыня, но и не бедствую. А дрова мне мальчишки соседские колят. Им краюху хлеба даю, да молока крынку. Они и рады.

– А не думали перебраться в город? – спросила я.

– Не думала. Что мне там делать? Город для молодых, да

и трав там не наберёшь, до леса далеко. Местные покупаю всё. Хорошо мне тут, спокойно. Иди спать, у тебя был трудный день, — махнула рукой женщина. — И готовься, лёгкими они теперь не будут, жить в деревне сложно, работы много, а лентяев я не кормлю. Будешь хорошо стараться, сможешь изменить жизнь к лучшему. Иди, давай.

Я кивнула, пожелала спокойной ночи и поплелась в комнату. Уже там, стянув джинсы и футболку, я надела длинную ночнушку, достав ту из сумки, и легла рядом с мирно спящей дочерью. Я смотрела на Янку и не могла поверить, что всё кончилось. Сколько раз я желала мужу смерти! Сколько раз мечтала вырваться из его силков! И вот я чудесным образом оказалась в безопасности. Магия? Волшебство? Не важно. Главное, я и моя дочь в безопасности. А с остальным справлюсь. Не могу не справиться, в меня верит дочь.

Глава 2

Разбудили нас на рассвете. Бабушка Веся для Янки, а для меня мама. Я даже вздрогнула, когда произнесла это про себя. Мама... Не настоящая, но всё же. Одно это слово способно согреть душу.

Размышлять о важности слов было некогда, жизнь в деревне не для тех, кто игнорирует ранний подъём.

– Мам, а где мы? – тихо спросила Яна, настороженно осматриваясь.

– Зайка, мы у твоей бабушки, моей мамы, – я решила не рассказывать правду малышке, но кое-какие моменты придётся объяснить. – Правда, это очень и очень далеко, прямо в другом мире. Но никто не должен об этом знать, понимаешь?

– Понимаю, – кивнула Янка. – Они просто не верят в волшебство!

– Правильно, милая. Будь осторожна, хорошо? – я погладила дочь по голове. – Наши вещи придётся выкинуть, а надеть новые. Но это попозже, а пока надо умыться.

Я вывела дочь из комнаты и тут же наткнулась на травницу. Женщина видимо была давно на ногах, потому что в печи уже стоял чугунок для воды.

– А, проснулись. Ну идите умываться. Вон там, в углу, – бабушка Веся махнула рукой в сторону, – ведро стоит. А ря-

дом кадка с водой свежей. Над ведром умывайтесь. Зубы, вон, прополощите.

– Здравствуйте, бабушка Веся, – вежливо поздоровалась Яна, пряча ручки за спиной, но улыбаясь довольно искренне.

– Здравствуй, Яночка, – ласково отозвалась травница, а затем кинула на меня быстрый взгляд. – Поговорила уже?

– Кое-что рассказала, да, – кивнула я. – А что это?

Я указала на баночку с коричневой жидкостью, стоящую у кадки с водой.

– Это настой из дубовой коры, – ответила... мама, – Запоминай, записывать не на чем. Кору с дуба срываешь, мелко в ступке толкёшь. Потом ложку измельчённой коры в банку засыпаешь и заливаешь кипятком по горлышко. На ночь оставляешь, а утром рот можно полоскать. И запах неприятный уберёт, и бактерии. Каждый вечер делать надо, чтобы на утро свеженький был. А палочками, что рядом лежат, зубы тереть надо, чтобы грязь убрать.

– Ложка коры на примерно пол литра воды, поняла, – повторила я за женщиной.

– Это хорошо, – буркнула травница. – Зубы беречь надо, как и вообще здоровье. Здесь волшебников не водится, а до лекарей хороших далеко. Только и остаётся что травами лечиться.

Я кивнула, но думала совершенно не о травах. Как вырастить дочку в таких условиях? Без привычных жаропонижающих и антибиотиков будет сложно. Главное, не подцепить

что-то действительно страшное.

Умываться холодной водой было непривычно, но очень освежает, бодрит лучше кофе. Янка взвизгнула и рассмеялась, когда холодные капли попали ей на шею.

– Переодеть вас надо, – буркнула мама. – Тебе дам своё платье, а вот Яне я посмотрю что-нибудь дочкино. Лежит в сундуке несколько рубаш. Только сначала позавтракаем, а потом уже и за дело примемся. Садитесь, давайте.

Усадив Янку на высокую скамью, я присела рядом. Всё настолько необычно и непривычно, что я решила пока не вмешиваться, а просто следить, что и как делает мама.

А происходило самое, что ни на есть, волшебство. А как ещё можно назвать готовку в печи? Травница смазала чугунную сковородку салом и поставила в печь. Пока сковорода нагревалась, женщина вышла из дома, а вернулась уже с корзиной, в которой лежало семь яиц.

– У тебя есть хозяйство? – спросила я, думая, что женщина занимается лишь травами, а остальное ей приносят благодарные жители деревни.

– А куда же без него? – усмехнулась мама. – Хотя, сложно назвать это прямо хозяйством! Десяток куриц, коза да огород. Хорошо, что вы приехали, теперь можно и свинью завести на сезон.

– Сезон? – удивилась я. – Я думала, что сейчас примерно середина лета.

– Середина летняя, поправила травница. – Так и есть, но

у нас свинки особенные. Как с домом управимся, покажу.

– А я люблю свинок! – воскликнула Яна. – Они вкусные!

– Вкусные, – усмехнулась я, потрепав дочь по волосам. – А ещё из них можно многое заготовить.

– Да что тут заготавливать? – отмахнулась травница. – Засолить да в погреб. Или завялить. Сырое храниться не будет.

– А если коптить? – поинтересовалась я. – Вроде копчёное мясо, да ещё и в холоде, дольше лежит. Ну и вкуснее.

– А коптильню я тебе где возьму? – расхохоталась женщина. – Есть у нас одна, коптят там мужики рыбу да мясо, только дорого очень.

– Ну да, чтобы много мяса закоптить, нужно время, – расстроилась я. – И как же тогда? Только вяленое или солёное есть?

– В зимень если свинью резать, то можно в сарае спрятать, – пожала плечами травница. – Оно замёрзнет, конечно, только если зверьё не утащит. Ну и съесть его надо до наступления тепла, а то пропадёт ведь.

Мама положила на стол толстую, деревянную доску, а сверху поставила сковороду, на которой шкворчала яичница. Следом за сковородкой травница поставила кружки и налила в них козьего молока.

– Яночка, только немного, хорошо? – с тревогой попросила я дочь. Она даже натуральное коровье молоко не пила, а тут сразу жирное козье. Не понятно, как поведёт себя желудок.

– Ничего, – махнула рукой мама. – Скоро привыкнете. Вечером будем с тобой хлеб печь. Его много надо.

– Зачем много? – не поняла я. – Он же засохнет?

– А ты как думала? – расхохоталась женщина. – Пока опара поднимется, пока тесто подойдёт. Не быстрое это дело, поэтому и пекут сразу на несколько дней. А если не получается с первого раза, то всю неделю без хлеба сидеть. А как без него? Ешьте, давайте. И так засиделись.

Я кивнула и взялась за ложку. Яна уже уминала нехитрый завтрак, да так, как дома никогда не ела. Так сильно проголодалась?

Но как только я принялась за завтрак, поняла, почему дочь с таким рвением жуёт. Нет на свете ничего вкуснее натуральных продуктов.

*Настой из коры дуба не придуман мной лично, а взят с просторов интернета. Им действительно пользуются, чтобы убрать неприятный запах.

Травница быстро позавтракала и скрылась у себя в комнате. Вышла спустя минут пятнадцать, неся куль с одеждой.

– Поели? – женщина обвела нас строгим взглядом. – А теперь за дело. Яночке вот, платье есть. Да исподнее тоже нашла, правда, только одно. Знаю, что не привыкли голышом бегать. Тебе вот, платье моё. Поясом затянешь, сядет как на-

до. Только смотри, всё снимать надо, чтобы ни единой детали не осталось с того мира.

Я кивнула, взяла одежду и направилась в комнату, ведя Янку за собой.

– Мам, они что, без трусиков ходят? – удивилась дочь.

– Дети лет до семи да, бегают без. Особенно летом, – подтвердила травница. – Но это не обязательно, в городах надевают. Просто ткань не так просто купить, чтобы нарядов нашить много.

– А если что-то из моего перешить? – заикнулась я.

– Нельзя, – мотнула головой травница. – Краска на одежде другая, стежки не руками сделаны. Думаешь, не заметит никто? Никак нельзя.

– Хорошо, я поняла, – я нахмурилась, но спорить не стала. Если она говорит, что так надо, значит и правда надо.

Одежда была простенькой. Широкие платья с кривыми швами и грубоватыми вырезами. В принципе, какая разница, что носить? Тем более в деревне со средневековым укладом, где роскошное платье вообще не встретишь. Яна поморщилась, конечно, она любила красивую одёжку, но спорить не стала. Хватает и того, что бежать больше никуда не надо. Ну, я надеюсь.

– А теперь вещи сюда свои несите, – мама оглянулась на нас, а затем продолжила подкидывать поленья в печь.

Принеся сумку и маленький рюкзачок Яны, я начала доставать всё, что там лежало.

– Вот это гореть плохо, конечно, будет, – нахмурилась травница, вертя в руках старенький кнопочный телефон. – Ладно, это мы закопаем.

Нехитрый скраб, который я успела захватить из прошлого дома, летел в печь. Только сейчас, глядя на то, как огонь пожирает очередную память, я осознала, что свободна.

– Мама, а Кузя?

Я обернулась на расстроенный шёпот дочери. Яна прижимала к груди мягкого зайца, единственную игрушку, с которой дочь не расставалась целый год.

– Маленькая, твой зайчик слишком не похож на игрушки, с которыми играют здесь, – я присела перед дочерью и заглянула в глаза. – Мы не можем его оставить.

Яна всхлипнула и крепко прижала зайца. Прикрыла глаза, постояла так пару минут, а потом, отвернувшись, швырнула игрушку в огонь. Не дожидаясь, пока та сгорит, Яна бросилась в комнату.

– Ничего, – вздохнула травница. – Переживёт. Маленькая ещё, не понимает, что значит серьёзная опасность.

Я не ответила. Просто стояла и смотрела на фотографии, которые держала в руках. Ярослав и я, наша свадьба. Такие счастливые. На второй фотографии с нами уже была дочь. Янке годик. Я держу малышку на руках, а Ярослав обнимает нас.

– Не жалея ни о чём. Не могла ты его исправить, – тихо сказала женщина, положив мне руку на плечо, поддерживая.

– Я не жалею. Даже фотографии эти взяла, чтобы помнить, чем может обернуться счастье и любовь.

– А вот это ты зря, – травница нахмурилась. – Нельзя ставить на себе крест и бегать всю жизнь от мужиков. Не все такие, как твой муж.

– Ты была счастлива замужем? – спросила я, кидая фотографии в огонь.

– Была, – усмехнулась женщина. – И обряд был по любви, и жили мы в уважении. Потом, конечно, любовь растерялась со временем, но вот уважение осталось. И тебе того же желаю. Не иди в храм ради защиты или просто чтобы было. Иди с тем, кого любишь. Но и мозги не теряй, себя уважай.

– Не хочу я больше замуж, – отмахнулась я. – Дочь есть и ладно.

– А вот хоронить себя не надо. Ты – девка молодая. Да и пожалей Валенсию, она желает тебе счастья, а не чтобы ты всю жизнь прожила здесь, со старой бабкой, в окружении вечно болеющих людей.

Я промолчала. Спорить и настаивать не хотелось, всё же не дура, понимаю, что она желает лучшего. Только мнения я своего не поменяю.

Когда догорели остатки, мама закрыла печь и села за стол.

– Ну что же, добро пожаловать к нам, – усмехнулась она. – Садись и слушай. Ты – Арника, двадцать пять лет. Жила в Лафе, южный городок Рента. Влюбилась, собиралась замуж, но жених погиб. А ты потом поняла, что беременна. Ходить

слухи всё равно будут, но всё же так проще, чем сказать, что ты не знаешь, от кого дочь. К матери приехала помогать по хозяйству, потому что я попросила. Стара стала, подмога нужна. Что ещё надо?

Травница задумалась, а затем встала из-за стола и направилась к себе. Спустя минуту вышла, неся книгу.

– Ну-ка, прочти, что здесь написано.

Я заглянула в книгу и обомлела. Ни одной знакомой буквы...

– Не можешь, верно? – хмыкнула мама. – Что же, будешь учиться. Язык ты понимаешь, что уже хорошо, буквы и цифры выучишь. Считать умеешь. Кстати, учиться будешь с дочерью. Писать придётся на коре, нет монет, чтобы бумагу покупать. Но это вечером. Сейчас надо кур накормить, да за травами сходить. Зима скоро, запасы делать надо. Так что, я пока покормлю, а ты иди, Яне скажи, что гулять пойдём. Выйдем через заднюю калитку, там как раз лес начинается. Не надо тебе пока в деревню, потом сходим.

Травница ушла, а я встала из-за стола и замерла. Как мы пойдём, если обуви нет никакой? Кроссовки свои надевать нельзя, тогда как? Решив отложить этот вопрос до возвращения мамы, я пошла к дочери.

Я присела перед дочерью и ласково потрепала по голове. Яночка сидела на кровати, поджав ноги под себя и хлопала

носом.

– Милая, всё скоро наладится, обещаю, – шепнула я.

Только вот детям же всё равно. Малышам сложно понять причинно-следственные связи, а собственное Я намного важнее каких-то правил. И это неплохо, нет. Так задумала сама природа.

– Идём. Бабушка покажет нам лес и будет учить собирать травы.

– Какие травы? – Яна с интересом посмотрела на меня, утирая слёзы рукавом.

– Которые лечат людей.

– А как же таблеточки и сироп? – нахмурилась дочь.

– Здесь нет такого, милая, – я вздохнула и присела рядом. – Здесь много нет, что нам так привычно было.

– Мы в другом мире? – тихо спросил ребёнок. – Я такое видела в мультике.

– Ты угадала. Но те, кто живёт здесь, не знают о таких, как мы, – серьёзно сказала я. – А когда человек чего-то не знает, то он этого начинает пугаться.

– Нам опять надо прятаться? – грустно спросила Яна. – И у меня не будет друзей?

– Нет, прятаться нам больше не надо, но и говорить кто мы и откуда никому нельзя, хорошо? Помнишь, мы уже с тобой так делали?

– Помню, – Яна кивнула. – Чтобы нас папа не нашёл.

– Вот и прекрасно. Тогда идём, бабушка Веся нам всё рас-

скажет.

– В туфельках? Они теперь останутся у меня? – спросила дочь, а я перевела взгляд на пол, где стояла наша обувь, и нахмурилась.

– Маленькая, там уже печка затухать начала, так что, давай мы пока спрячем, а потом тоже в печку, хорошо?

Я убрала улику под кровать, так, чтобы видно не было, и взяла Яну за руку.

Травница уже вернулась и терпеливо ожидала нас, сидя за столом.

– Готовы? – женщина окинула нас взглядом и остановилась на голых ступнях. – Сейчас принесу.

Спустя минуту она вернулась, неся две пары мягких туфель. Скорее, тапочек, но с задником. Подошва у них настолько тонкая, что мне стало страшно. В лесу ведь и змеи могут быть, и сучки, которые с лёгкостью проколят ногу.

Этот вопрос я и задала маме, которая доставала корзины из сундука.

– А под ноги смотреть не учили? – буркнула она. – Ещё и на камень острый наступить можно. Поэтому, смотрим в оба и ворон не считаем!

Мне стало страшно. Я то ещё ладно, а вот Янка? Тем более, мне ещё надо будет запоминать всё, что показывает мама.

Но и спорить я не стала, не в нашем положении права качать.

Лес и правда оказался едва ли не за калиткой. Я глубоко вздохнула и на секунду прикрыла глаза. Всё же, воздух очень отличается.

– Идите осторожно, – буркнула травница. – И смотрите по сторонам. Кстати, Арника, грибы знаешь?

– Подосиновики, подберёзовики, белые. Лисички плохо, – я растерялась.

– Это хорошо. Сама смотри и дочке показывай. Ещё мухоморы нужны.

– Зачем? – удивилась я. – Они же ядовитые?

– Если пожарить и съесть, то умрёшь, – кивнула травница. – А если настойку сделать, да по капельке давать больному, то никакого вреда не будет, наоборот.

– Мама! Вот! – воскликнула Яна, показывая пальцем на красную шляпку, усеянную белыми точками.

– Молодец, – похвалила мама Яну. – Внимательная девочка. Значит и лес с добром отнесётся. Пока гриб не трогаем, заберём на обратном пути.

– Лес живой какой-то? – не поняла я. – Что значит “отнесётся с добром”?

– А то, что дары будет давать, – усмехнулась женщина. – Нет в этом никакого волшебства, хотя многие верят в лесных чудовищ. Звери только, да и те близко к человеку не подойдут. Боятся.

Я брела по лесу, периодически поглядывая себе под ноги. Больше, конечно, Янке, потому как дочка просто шагала

вперёд, не задумываясь, что там может ожидать, в траве.

– Арника, иди сюда, – окликнула меня травница. – Смотри, тёзка твоя.

Я проследила за взглядом женщины и увидела небольшие жёлтые цветочки.

– Ты назвала дочь в честь травки*? – я хихикнула, понимая, насколько это нелепо.

– Зря смеёшься, – чуть грустно улыбнулась женщина. – Я же хотела назвать её Диной. Беременная ходила, всё мечтала, что будут у меня дочь как королеву звать. А потом беда случилась. Рожать начала, а дочка на попе сидит, переворачиваться не хочет. Повитуха развернула, конечно, но началось кровотечение. Вот этой травкой меня и спасли. Настойкой поили.

Я подошла ближе и сорвала цветок. Покрутила в руках, внимательно рассматривая и запоминая.

– А ещё для чего она? – поинтересовалась я.

– Да много от чего, – махнула рукой женщина. – Кашель лечит, простуду. Хорошее растение при...

Договорить она не успела, потому что раздался радостный голос Янки:

– Мам, смотри! Виноград!

Я только обернуться успела, как моя Янка засунула в рот маленькие, тёмно-синие ягоды.

– Стой, дурёха! – рявкнула травница и кинулась к Яне.

Дочка растерянно замерла, только вот несколько штукеч

всё же проглотила.

– Что это такое? – испуганно спросила я у мамы, подбегая к дочери.

– Девичий виноград*, – женщина нахмурилась. – Идёмте домой, нагулялись. И стоит поторопиться, не понятно, как яд подействует на девочку.

Яна захныкала и прижалась ко мне. Она не понимала опасности, но общий настрой пугал.

– Тише, моя хорошая, – я подняла дочь на руки. – Всё хорошо будет.

– Тошнить будет, – буркнула травница. – А ещё уроком станет не тащить в рот то, что не знакомо.

– Но это же виноград, – хныкнула малышка, обиженно. – Он вкусный!

– Вкусный, – насмешливо повторила мама. – А то я не знаю!

Я торопливо шагала за женщиной, поглядывая под ноги. Желая лишь об одном, чтобы этот яд не причинил вреда малышке.

*Арника горная – старинное лекарственное средство. Им действительно лечили многие заболевания, начиная от гриппа и заканчивая гинекологией. В том числе ии останавливали кровь её настойкой.

*Девичий виноград – Ядовитые ягоды вырастают темно-синего цвета и имеют характерный кисловатый вкус. Встречаются также плоды ярко-черного цвета. На самом де-

ле, чтобы отравиться виноградом, необходимо съесть большое количество ягод, например, целую горсть. От малого количества диких плодов серьезных последствий произойти не должно.

Глава 3

– Отведи пока в комнату, – фыркнула мама, как только мы вошли в дом.

– С ней всё будет в порядке? – взволнованно спросила я, как только вышла из комнаты, оставив там дочь.

– Будет, не переживай, – отмахнулась женщина. – Но кое-чему ты должна научиться, прежде чем вести ребёнка в лес. Стара я стала, не подумала сразу, что детё всё на вкус прробует.

– Этот виноград сильно опасен?

– От того количества, что Яна съела, не будет ничего. Максимум, на горшке посидит с непривычки.

– Но почему мы тогда так поспешно вернулись? – удивилась я. – Я думала, нам нужно собрать травы, грибы.

Мама села напротив меня и улыбнулась:

– Потому что этот страх, что испытывает сейчас Яночка, будет хорошим уроком. И для тебя, кстати, тоже. Янка в следующий раз может съесть не безобидную ягоду, а вороний глаз или ещё что похуже. А ты следить за дочерью будешь.

– Я следила, – буркнула я, насупившись.

– Ты думаешь, я не знаю, каково это, с детьми ходить? – грубовато буркнула мама. – Знаю, и ещё как. На собственном опыте тебя учу. А вот тебе ещё кое-что для размышлений. Знаешь сколько детей от отравлений умирает? Здесь

не лютое средневековье, где детей двадцать штук нарожали лишь бы хоть один выжил. Нет, детей берегут и любят. Только не всегда получается соломку подстелить. Поэтому и учат с младых ногтей всему. Чтобы дети крепко накрепко помнили, что для них опасно, а что можно.

– Высокая смертность? – спросила я, понимая, что травница целиком и полностью права.

– Не высокая, но есть. Опасных заболеваний и эпидемий здесь не бывает, а с простудой и переломами я справляюсь. Больше в родах гибнут, как младенцы, так и матери. Ну и дети, конечно же. Кто в речке утоп, кого в лесу потрепал медведь. Травятся многие. Или в поле, вон, бегают. Они же как, под ноги не смотрят, а там ведь гадюки.

Я похолодела. Как мне вырастить дочь в этом страшном, опасном месте? Казалось бы, просто деревня, коих в России тьма. Но отсутствие телефонной связи и хорошей, качественной медицины сильно отличает два таких похожих мира. Не будь того странного перемещения, я бы была уверена, что мы на Земле. Всё абсолютно такое же. И лес наполнен рядами стройных берёзок, и небо такого же, пронзительно-голубого цвета.

– Что, испугалась? – усмехнулась мама. – Ничего, привыкнешь. И страх отпустит. А теперь вот.

Женщина встала и подошла к сундуку. Немного покопавшись, выудила оттуда бутылёк с коричневой жидкостью.

– Что это? – заинтересовалась я.

– Настой чистотела, – пробормотала мама, наливая лекарство в напёрсток. – Не вкусное, но действенное. Всё ненужное из организма выводит.

– Я думала, им только бородавки прижигать, – удивилась я.

– Лес нам даровал чудо, Арника. – серьёзно произнесла травница. – Люди, живущие в ладу с природой, очень редко бывают подвержены болезням, с которыми травы не справятся. Иммунитет сильнее, здоровье крепче.

– А какая продолжительность жизни? – поинтересовалась я. – Лет пятьдесят же?

– Да брось, у нас тут есть бабка Авдотья, так её уже за сто перевалило. Оно же как, некому за стариком присматривать, так и старается он прожить больше и в добром здравии. Помирать в одиночестве никому не хочется, вот и живут. Ещё и работать приходится. Та же Авдотья хоть и ходит постоянно за настоями да притирками, но всё равно с рассветом на ногах, хозяйством занята. Ии дочери лекарство дай, а то боится же ребёнок.

Ребёнок, как оказалось, уже и забыл, что отравился жутко ядовитым растением. Она спокойно сидела на кровати и увлечённо разглядывала что-то в окне.

– Что ты там увидела?

Я подошла к Яне и глянула в окно. На дороге мальчишки увлечённо играли в салочки.

– Мам, а мне можно к ним? – с затаённой надеждой спро-

сила дочь. Она так любила всегда детей, только дружбу завести не могла по понятным причинам.

– Давай спросим у бабушки, хорошо? – не стала я обнадеживать или, наоборот, огорчать девочку.

Травница задумалась над нашим вопросом. Видно было, что она не горит желанием отпускать Яну, но и удерживать какой смысл? Не сидеть же нам теперь взаперти.

Мама тяжело вздохнула и отрицательно покачала головой, от чего Янка расстроено хныкнула. Я уже начала думать, чем же занять ребёнка, чтобы она не скучала в одиночестве, но вмешался случай.

Сначала громко залаяла собака, сидящая на цепи, а следом в дверь постучали и закричали:

– Баба Веся, открывай, помощь твоя нужна!

– Вот же! – буркнула травница и зыркнула на Янку. – Ну что нос повесила? Иди, играй с детьми.

– А как же собака? – спохватилась я. – Яна не сможет сама выйти.

– Да что та собака, – махнула травница рукой. – Только и делает, что брешет. Да и не достаёт цепь до крыльца и калитки.

Янка весело подпрыгнула, хлопнув в ладоши и хотела уже броситься к двери, но я вовремя остановила её.

– Яна, запомни, меня зовут Арника. Поняла?

– Да, мамочка, – степенно ответила дочь, скромно опустив глазки.

Мама едва успела дверь открыть, как мимо неё и гостей прошмыгнула светлая головка. Убежала, егоза! И я бы хотела убежать, потому как любопытные взгляды уже остановились на мне. Вопросов не избежать.

– Что у вас? – совершенно не гостеприимно буркнула травница.

– Ратибор ногу пропорол, – махнула рукой собеседница. – Мужики сейчас принесут болезного. А я смотрю, гости у тебя?

– Дочка с внучкой приехали. Проходи, да дверь не закрывай. Как же так муж у тебя? Конец лета, урожай собирать надо, надо сено запасть, а он и не сможет.

– Да справимся, – махнула женщина рукой. – Дочка с внучкой, говоришь? Не говорила ты, что у дочери дети есть.

– Я и о неё самой не шибко рассказывала.

Мама поняла, что удерживать любопытную селянку просто нет смысла.

– А муж где? Умер?

Вопрос был задан мне. Я покосилась на травницу, но та лишь вздохнула. Да и некогда ей было, широкую лавку протирала.

– Нет мужа, – честно ответила я. – Не успели мы в храм сходить, погиб он. Только после смерти его узнала, что под сердцем Яну ношу.

– Не успели? – хмыкнула женщина. – А родители мужа что? Не приютили?

– Зачем Арнике ютиться у чужих? – вступилась за меня травница. – Мне помощь нужна, не молода уже.

Гостья ничего сказать не успела, потому как в дом занесли мужчину.

– Ох, что же сразу не привели? – покачала головой мама, рассматривая ногу.

– Дык почитай сразу, баб Весь, – всплеснул руками детина. – От боли он сознание потерял.

– Плохо это, но ничего, справимся. Иди, Тихомир. Без тебя справимся. И мать забирай, нечего отвлекать нас.

– Никуда я не пойду! – возмутилась женщина. – При мне лечи!

– Тихомир, выйди, – приказала мама, даже не глядя на парня. Дождавшись, когда хлопнет входная дверь, мама заговорила вновь, смотря в глаза гостье. – Ты хочешь без мужа остаться, поддавшись глупой ревности? А ну как лечить откажусь, а? Успеет сын до города за лекарем съездить? Меня оскорбляешь, и дочь мою. Не потерплю такого! А если вздумаешь языком трепать по деревне, я всем расскажу, сколько ты приходила ко мне плод изгонять. Сколько Ратибор дочку просит, а? Уже почитай лет пять, и вот все пять лет бегаешь ко мне “Помоги, бабушка Веся”!

Женщина поджала губы и встала из-за стола.

– Уйду я, но видят всевышние...

– Уходи, Авдотья, – с нажимом произнесла мама. – И смотри мне, не болтай лишнего, а то знаю я тебя.

Женщина вышла, а мама покачала головой.

– Плохо это. Не думаю, что на Авдотью сильно мои слова подействовали. Слухи гулять начнут всё равно. Но что уж теперь. Давай лечить.

– Что надо делать? – тихо спросила я, решив ничего не говорить о вредной гостье.

– Спирт в сундуке достань, налей в чашку немного. Там иглу прополоскай, да нитку замочи. Ох, лоб горячий, как бы заражения не было.

Женщина покачала головой и подошла к полке с пузырьками. Постояв около него, мама выбрала один и откупорила крышку. Я же занялась иглой.

– Смотри и запоминай, что я делаю, – пробормотала мама, подходя ко мне. – Руки всегда спиртом протирай. Или крепким алкоголем, если спирта нет. Так ты убьёшь микробы, которые можешь занести в кровь. Я бы и рану спиртом полила, но боюсь Ратибор боли не выдержит. Так что спиртом только края раны, а вот настойка календулы справится должна. Шить-то умеешь?

– Вещи умею, а человека никогда, – растерялась я. Меня и так уже мутить начало от вида и запаха крови, успокаивало лишь то, что мужчина живой.

– Бледная ты какая-то, – фыркнула мама. – Привыкай, такое тут часто. Да и человека шить не на много сложнее, чем платье штопать. Втыкай иглу, да втыкай. А о человеке и о том, что боль причиняешь, не думай. Смерть хуже неболь-

шого шва.

Мама вытащила из печи воду, которая ещё была горячей, и налила в таз. В сундуке взяла чистые тряпочку, и, смачивая лоскут ткани, начала промывать рану.

– Не всё так уж и страшно, – удовлетворенно заметила мама. – И чего сразу сознание терять? Слабые мужики, ой слабые! А ты ворон не считай, а запоминай!

Я внимательно следила, что делает травница. Это было похоже на стандартную операцию в больнице.

Смочив лоскут спиртом, мама обтёрла края кровоточащей раны и нахмурилась.

– Кровь остановить надо бы, не прекращается. Ну-ка, дай ремень из сундука.

Я передала широкую полоску кожи.

– Смотри, перевязывать надо над раной, да так, чтобы артерию перетянуть. Видишь? Кровь хоть и сочится, но уже не так сильно. Только теперь стоит поторопиться, нехорошо это, без крови ногу оставлять.

Протерев края раны спиртом ещё раз, мама щедро ливнула внутрь настойку и взялась за иглу и нитку, перед этим ещё раз ополоснув руки спиртом.

Следить за тем, как игла протыкает кожу, было практически невыносимо, но и отвернуться было нельзя. Всё же, мне эти знания могут очень сильно помочь. Тем более, ничем другим я не смогу заниматься.

Стежок – узелок – стежок. Страшно, но завораживает.

Именно такие чувства и возникают у людей, которые увидели аварию или несчастный случай с погибшими или ранеными. Тот же ступор, страх и непонятное влечение.

— Готово, — удовлетворённо кивнув, отозвалась травница, разглядывая шов сантиметров десять в длину. — Теперь смазать мазью, да замотать хорошенько.

— А мазь из чего? — полюбопытствовала я.

— Кора ивы и воск пчелиный. Вообще, почти каждая травка заживлять умеет, но кора ивы лучше, опять же, воспаление снимет.

Размазав коричневатую субстанцию по ране, мама обернула ногу отрезом чистой ткани и встала на ноги.

— Ну вот и готова. Пойду, Тихомира кликну, пусть отца забирает.

— А почему он в себя не приходит? — тихо спросила я, глядя на бледного мужчину.

— Придёт, но попозже. Не переживай, нормально всё будет. Недельку отлежится и будет бегать как молодой.

Мама ушла, а я смотрела на пятна крови, на бледного пациента и думала, что вряд ли справлюсь с такой работой. А ещё, надо слишком много знать и очень страшно запутаться, ведь ошибка может стоить чьей-то жизни.

Я оторвала взгляд от Ратибора и пошла в свою комнату, чтобы выглянуть на улицу. Янка увлечённо играла с детьми, весело хихикая.

Ну вот и замечательно, может она здесь друзей найдёт.

Думать о чём-то большем, например, что Яна вырастет и ей придётся искать жениха из местных, думать не хотелось. Она ведь превратится в такую же клушу, как Авдотья. Или её закусает односельчане. Нет, всё же нельзя нам оставаться в деревне навсегда, не такой судьбы для ребёнка я хочу. Тем более, когда знаешь, какая жизнь может быть. И просыпаться, едва солнце взошло, чтобы подоить корову и накормить кур – не может быть пределом мечтаний.

– О чём задумалась?

Я и не услышала, как подошла травница.

– О том, что нам надо перебираться поближе к цивилизации, – вздохнув, призналась я.

– Читать сначала научитесь хотя бы, – усмехнулась женщина. – Да и ремеслу какому. Иначе жизнь лучше не станет. Ты думаешь, в деревнях живут потому что не знают, что можно уехать? Глупости. Не счесть, сколько молодых упорхнуло из родительского дома, думая, что вот там, хотя бы в том же Гарне, жизнь лучше будет. Только без умений, монет и хоть мало мальского образования делать там нечего. Даже учеником мастера какого стать сложно, потому что родители ни читать, ни писать не научили, сами не умеют. Кто-то вернулся, как Авдотья, разочаровавшись в жизни. Кто-то сгинул. А кто-то пошёл по неправильной дороге. Красть да мужчин ублажать. Очень много мальчишек закончили свою жизнь на виселице, думая, что смогут за чужой счёт разбогатеть. А девочки...

– В надежде найти богатого господина, который без памяти в неё влюбится, раз за разом совершали ошибку, – усмехнулась я.

– Именно так, – кивнула мама. – Кому-то удавалось стать любовницей, но это тоже редкость, да и порицается такое. Так что, не торопись пока. Может и получится так, что именно в этой деревушке и найдёте свою судьбу. Идём, поможешь мне обезболивающий отвар приготовить.

Я не стала спорить. Да и зачем? Лучше потратить это время с пользой.

– В этот раз, отвар будешь делать ты, – огорошила меня мама. – Это не сложно, так что справишься. Смотри.

Травница подошла к стене и отодвинула шторку. Оказывается, за ней скрывались сушеные травы, развешенные в небольшие пучки. Взяв один такой маленький веник, она развязала бечёвку и отмерила половину сухих веточек.

– Возьми чугунок маленький, да плесни туда воды.

Я подала необходимое и внимательно проследила, как травница ломает веточки и листочки, кидая их в воду.

– Сухой травы не много надо, примерно десятая часть от воды. А теперь ставь в печь. Отвар нужно довести до кипения и дать немного покипеть на слабом огне.

К печи я подходила с опасением. Но, как выяснилось, ничего страшного или опасного. Жар от углей был сильным, но если не хватать железную дверцу печи голыми руками, а использовать специальную, толстую рукавицу, то обжечься

не получится. Кое-как пристроив горшок, едва не опрокинув его на неровных углях, я вспомнила, что примерно такое уже однажды видела.

В далёком детстве, будучи в Янкином возрасте, родители отправили меня в деревню к бабушке. Вообще, у неё была кухня с водопроводом и нормальная газовая плита. Но в один из вечеров баллон с газом кончился, а нам хотелось чаю попить. Тогда бабуля растопила печь. Единственное, у неё кастрюля стояла не на самих углях, а на железной решетке, под которой тлели угли.

Сделав в памяти заметку, что надо спросить у травницы, как дорого будет переложить печь и реально ли вообще это, я дождалась закипания воды.

– Теперь жди, – негромко сказала мама. – Тут не долго. Траве следует отдать все полезные свойства. Пока огонь делает своё дело, достань чистую кружку. В сундуке есть марля. Вот возьми её и на кружку положи, чтобы отвар перелить. Шалфей не принесёт вреда, если попадёт. Но ничего приятного в том, чтобы жевать растение, нет.

Кивнув, я сделала всё, что мне велели. Перелив полученное лекарство в большую кружку, я показала травнице.

– Хорошо, – женщина кивнула и подошла к больному. – Сейчас я его разбужу, надо напоить отваром да домой отправлять. У меня не лекарский дом, да и нечего мужчине делать там, где девушка свободная живёт.

– У нас и не обратят внимания на такое, – я улыбнулась,

вспоминая дом.

– А зря, – буркнула травница. – Ничего хорошего в распущенности нет. Понравились друг другу? Значит, стройте семью.

– А если это была только симпатия. Или пусть будет любовь, но вот в быту они не сошлись. То что тогда? Разводить-ся? – мне стала интересна логика травницы.

– Вы, молодые, не понимаете, что семья это труд. Труд двоих, конечно же. И не такой, что тебе каждый день мешки носить. Моральный труд. Терпение нужно, нужно уметь подстраиваться. Если сошлись два взрослых человека, то и ответственность за семью несут двое. Ты знаешь, почему в деревнях практически не распадаются семьи?

– Потому что это порицается? – предположила я.

– И это тоже, конечно. Но в основном живут-то спокойно, ибо скандалить некогда. Разве есть время на ссоры, когда с самого рассвета мужик в поле или на охоте, а баба со скотиной управляется, да дом глядит? Некогда им ругаться. Им бы поужинать да спать лечь. И мыслей глупых не возникает, потому как думают они больше о том, как бы сена запасти, чтобы на зиму хватило, да припасов побольше сделать. Мы же не медведи, чтобы в спячку впадать.

– А если жизнь невыносима? Пьёт мужик много, жену колотит? То что? Оставаться и терпеть?

– Глазами надо смотреть, за кого замуж выходишь. Родителей спрашивать, подходит ли человек. А не так: влюбилась

и побежала в храм бегом. Тем более в обществе пьянки и разборки порицаются очень. Никто с таким мужиком даже разговаривать не будет, что семью в страхе держит. Всё, давай болезного будить. Хватит ему тут валяться. Ты иди, Янку позови. А я напою.

Я кивнула и пошла на выход, обдумывая полученные знания. Права знахарка, родителей всё же слушать надо. Глядишь, жизнь бы моя сложилась иначе, прислушайся я тогда к советам не торопиться и всё обдумать.

Глава 4

Возле калитки стояла ранее упомянутая гостья, с простым, деревенским именем Авдотья. И сын, который не спускал с меня заинтересованного взгляда.

Неужели сплетница не смогла удержать язык за зубами и проболталась таки сыну о своих подозрениях?

Женщина окинула меня презрительным взглядом и сморщила нос. Смешно... Она ведь действительно ничего не знает, а со своей узколобостью и не поймёт, что же на самом произошло.

– Яна, – окликнула я дочь, весело играющую с мальчишками. – Идём домой, милая.

– Бегу, мам! – крикнул ребёнок и повернулась к друзьям. – Мне надо бежать, мама зовёт.

Прощавшись с друзьями, Янка побежала ко мне, весело подпрыгивая.

– Ратибор очнулся, – из дома вышла травницы малхнула рукой односельчанам.

– Ян, иди пока в комнату, хорошо? – шепнула я дочери, подпихнув рукой в сторону двери. Не стоит её смотреть на раненого мужчину, да и разговоры старших слушать ни к чему.

– Тихомир, помоги отцу, – скомандовала Авдотья.

Радомир лежал на лавке с бледным, измученным лицом.

– Может оставить его под присмотром хоть на пару часов? – с тревогой спросила я у травницы. – Не выглядит он здоровым.

– Мужа моего себе хочешь? – прошипела Авдотья, подходя ко мне вплотную. – Не бывать этому!

– Арника права, Авдотья, – негромко сказала травница, вглядываясь в глаза пациента. – Не нравится он мне.

– А он и не золотой, чтобы нравиться, – процедила женщина. – Ничего, дома отлежится. Тихомир! Кому говорю! Веди отца домой!

– Матушка, но ведь батьке плохо, – детина растерянно посмотрел на меня в поисках поддержки, но я отвела взгляд.

Если уж травница молчит, то мне тем более не следует лезть.

– Веди, сказала, – рыкнула Авдотья и повернулась к маме, – Это за помощь тебе.

На стол легли три серебряных монеты.

– Авдотья, не дури, – строго сказала травница. – Если жар будет или бредить начнёт, но сразу же ко мне. Это не шутки.

Женщина не ответила. Молча развернулась и вышла, напоследок зыркнув на меня недобрым взглядом.

– А что с ним? – как только за Авдотьей закрылась дверь, спросила я.

– Да что угодно, – мама махнула рукой. – Начиная от начинающегося заражения крови, до простой лихорадки из-за раны. Не повезло Ратибору, Авдотья не захочет за помощью

бежать. Ладно, их дело. Пора обед готовить.

– А что будем готовить? – заинтересовалась я.

– А знаешь, – травница хитро улыбнулась. – Давай устроим праздник? Испекём пирог сладкий, вкусный обед приготовим. А?

– Давай, – кивнула я, готовясь помогать.

К счастью, готовить я любила всегда, да и нужные продукты были под рукой. И если мама учила готовить простые блюда, то бывший муж требовал изысков и красивой подачи.

– А может мне открыть едальню? – спросила я, нарезая овощи на жаркое. – Готовить я умею, рецепты знаю. Научусь с печкой обращаться и всё.

– И кому рецепты твои нужны будут? – усмехнулась травница. – Вся знать предпочитает питаться дома или в гостях. В очень редких случаях они посещают рестораны, которых во всём королевстве штук пять наберётся. Ну и на постоянном дворе. Но чтобы открыть ресторанцию или хороший постоянный двор, очень много надо золота. Да и конкуренция задавит, ведь знать редко останавливается в таких местах.

– А как же остальные горожане? – я нахмурилась. – Неужели они не сидят в трактирах?

– Женщины по таким местам не ходят, а мужикам нет особой разницы, чем самогон закусывать. Так что там готовят что-то максимально простое и не очень качественное, экономя на продуктах.

– Станный мир, – пробормотала я. – Хотя, может это и

нормально для, можно сказать, средневековья.

– Ко всему привыкаешь, – усмехнулась мама. – Сегодня вечером познакомлю тебя со старостой. Владимир мужик хороший, понятливый. Может и подскажет, как быть.

Я отложила нож и села на лавку.

– Я за Яну переживаю. Дети жестоки, а Авдотья язык за зубами держать не умеет. Как бы беды не было.

– Будем присматривать за девочкой, что уж теперь, – вздохнула мама, даже не думая успокаивать. – Но чем старше будет становиться Яна, тем опасней ей здесь будет. Повезёт, если сбережёт себя до четырнадцати, тогда может и сваты придут. А ежели нет...

– Да ты с ума сошла! – я даже подскочила со скамьи. – Какие четырнадцать? Ей учиться надо, жизнь хоть немного увидеть? И что значит если сбережёт?

– Сядь! – строго приказала травница. – Ты что думаешь, здесь как и на Земле, до совершеннолетия тянут? Может и тянут, но только знать. А в деревне всё проще. Выдать замуж стараются раньше, чтобы избавиться от рта лишнего. В деревне дети познают взрослую жизнь с пелёнок. Сложно утаить, как дети делаются, когда бык на корову лезет. Так что бывают случаи, что девочки раньше спать начинают. На мальчишек то не смотрят, плевы нет, беречь нечего.

– Какой ужас, – прошептала я, закрывая лицо ладонями.

Страх змеей заполз в сердце и свернулся клубком. Даже представить не могу, чтобы Яна так рано замуж вышла. Да

состарилась к тридцати, рожая детей.

Как уберечь? Как спасти?

– Я должна увезти дочь отсюда, – хрипло произнесла я.

– Время у тебя немного есть, так что не думай пока об этом. Учись лечить людей, не пропадёшь в городе с такими знаниями. Да хотя бы в аптеку работать пойдёшь, всяк копеечка какая.

Травница смотрела на меня абсолютно спокойно. Она привыкла. Или смирилась... Ведь даже тогда, в военное время, было более цивилизованно. Но как к такому можно привыкнуть? Я не смогу, просто не справлюсь. А значит, я любыми способами просто обязана вырваться из деревни.

Обед мы доготавливали молча, каждый думая о своём.

Радовало, что хоть это мне знакома и не придётся учить новые продукты.

Когда жаркое подоспело, травница достала чугунную кастрюлю из печи и поставила на деревянную подставку посреди стола.

Я же нарезала хлеб.

– Баба Веся! Баба Веся! – донеслось с улицы.

А следом раздался стук в дверь и на пороге появился чужазыый подросток лет тринадцати.

– Что тебе, Фонька? – усмехнулась мама, расставляя чашки для еды.

– Так дядька Владимир послал. Сказал, чтобы пришла, да поглядела, какую часть взять.

– Тьфу, забыла совсем, – всплеснула руками женщина. – Как быть то. Так, Арника, бери Янку и идём, знакомиться со старостой. Нечего мужика по несколько раз отвлекать.

– Так что сказать-то? – мальчишка спрашивал у травницы, но смотрел на меня. С любопытством.

– Иду я, иду, – буркнула женщина.

– Баб Весь, а вам дров наколоть не надо? – тихо спросил подросток.

– Что? Опять? – травница покачала головой и развернулась в сторону сундука. – Грядку мне прополешь за это. А матери скажи, чтобы пришла всё-таки. Не понимает, что ли, что совсем сиротой тебя оставит?

Мальчишка хотел что-то ответить, но посмотрел на меня и опустил голову.

Травница достала флакон с тёмной жидкостью и передала мальчишке.

– Как принимать – знает. И вот ещё, сама я к вам приду. Точно не скажу когда, но приду. Может и получится мать твою вразумить.

– Спасибо, – кивнул пацан и собирался убежать, но травница остановила.

– Фонька, лекарство отдашь и сюда, лук полоть. Да дождись, пока я не вернусь, понял?

– Хорошо, баб Веся, – послушно кивнул мальчишка и, дождавшись, пока травница кивнёт, усвистел на улицу.

– А кто это? – я махнула рукой в сторону улицы.

– Фонька-то? Сын Василиы. Вот, кстати, пример тебе, как в деревнях не принимают женщин, нагулявших ребёнка. Василиа замуж собиралась, да жених решил на фронт уйти. Как раз стычка с Каримом была, соседнее королевство. Там и погиб, а Василародила Фролку.

– Так получается все знали, что они в храм собираются? – опешила я. – Но тогда...

– А вот так, – оборвала меня женщина. – Ты думала, я тебе просто так говорю, что жизнь нелегкой будет? Родила вне брака – падшая. Вот Василиа и живёт, точнее, выживает. Мальчонку никто особо не трогает, привыкли уже. А ей проступок так и не простили, до сих пор в деревню не пускают.

– А как же она живёт? – мне было искренне жалко женщину, у которой судьба и так не радостная, а тут ещё и селяне.

– Ну как? Коз разводит, огород имеет. А если что надо, то Фоньку отправляет. Да толькоо захворала Василиа, уже месяца три Фонька бегают, обезболивающее берёт. Мне не жалко, хоть и заставляю отрабатывать. Всё же, я тоже время и силы затрачиваю, чтобы травы собрать. Ладно, это всё потом. Идём, познакомлю вас со старостой. Авось приглянешься ему.

Я настороженно посмотрела на травницу. Женщина усмехнулась и покачала головой:

– Думаешь, сватать тебя буду? Нет, не буду. Если понрависься Владимиру, то не позволит тебя шпынять. От слухов и косых взглядов не уберёжёт, а вот от козней защитит. Бери

Янку и идём.

Я позвала дочь и двинулась за травницей, крутя головой по сторонам.

Утром мы вышли с заднего двора, так что увидеть саму деревню не вышло, только краешек. Всё же, она разительно отличалась от той, что я видела в детстве, приезжая к бабуле.

Аккуратные домики стояли посреди ухоженных участков. Пусть и из тёмного, будто гнилого дерева, но ровненькие, а не косые, как мне показалось вчера. А главное, на каждом участке росли цветы, стояли скамеечки. Не было ни одного дома с нерадивыми хозяевами: поросшие травой и с покосившимся забором. Даже обычная дорога, посыпанная песком, ровненькая и аккуратная.

– Красиво здесь, – тихо сказала я, разглядывая местность.

– Да, – кивнула мама. – Благодаря старосте. Прошлый был ворюгой и пьяницей. А Владимир хорошо смотрит за деревней, не позволяет запустить дома.

– А почему они такие тёмные, словно пожар пережили или гниют, – мне хотелось подойти и поковырять дерево пальцем.

– Валежный дуб. Это такая разновидность дуба. Вода ни-почём, не гниют. Жаль, горят. Но тут уж ничего не поделаешь. Мы пришли.

Я глянула чуть в сторону и удивлённо распахнула глаза, увидев животное за забором.

– Кто это? – Янка ткнула пальцев в это чудо, которое по-

чему-то хрюкало.

– Хряк обычный, – хохотнула травница. – Порода такая, Мангалица*. Очень удобно. И мясо есть, очень вкусное и жирное, и шерсть на одеяла да подушки.

Я покачала головой и приблизилась к забору. Такое чудо я не встречала ни разу. Хотя слышала, что не то в Венгрии, не то в Англии такие водились. Правда, очень давно и вроде как вымерли.

– Бабушка Веся, здравствуй, – послышался густой баритон.

Я подняла голову и встретила взглядом с высоким, поджарым мужчиной. Невозможно сказать, сколько ему лет, поскольку чёрная, густая борода закрывала половину лица.

– Мама, это какой-то неправильный дед мороз, – пробормотала Янка, отодвигаясь за мою спину.

– У нас гости? – взгляд пронзительных, синих глаз остановился на мне.

Я перевела растерянный взгляд на травницу.

– А, Владимир, здравствуй, – мама улыбнулась мужчине. – Вот, дочка с внучкой приехали, помогать будут. Сам понимаешь, стара я уже, пора знания передавать.

– Смену себе обучаешь, значит, – мужчина усмехнулся. – Идём, там свинью режут.

– В смысле? Прямо сейчас? – пискнула я и ошарашенно посмотрела на дочь.

– А когда? Завтра что ли? – не понял староста. – Сейчас

быстро и поделим. Я матушку твою всегда первой за мясом зову, единственная травница в деревне всегда ужинать досыта должна.

– Мама, подожди, – остановился я травницу. – А как же Яна?

– А что не так? – нахмурилась женщина.

– Там свинью резать будут, а Янка маленькая, – прошипела я так, чтобы Владимир не услышал.

– И что, что маленькая? – буркнула травница. – Ничего, свыкнется. Идём, и не спорь!

Я покорно кивнула и поспешила за женщиной. Шаг, ещё шаг.

А потом раздался визг. На столько громкий, что казалось я оглохну. Яна вцепилась в мою руку мёртвой хваткой, пискнув. Плюнув на всё, я остановилась и присела перед дочерью:

– Милая, ты не хочешь пока поиграть здесь? Мы с бабулей скоро вернёмся.

– Ты пойдёшь туда? – голубые глаза расширились от ужаса. – Mamочка, я боюсь!

– Тебе нечего бояться, – поспешила успокоить я дочь. – Помнишь, мы с тобой разговаривали про охоту?

– Да, папа охотился на зверей, чтобы принести домой мясо, – послушно повторила Яна мои слова.

Мне не нравилась такое объяснение, потому как дичь Ярослав домой не носил. В отличие от бедной хрюшки с мохнатыми ушами, жертвы мужа убивались ради развлечения.

Я не была наивной, да и далека от Гринпис, но увлечение мужа не поддерживала. То, что сейчас происходило во дворе старосты было... нормальным.

– Свинку убили, чтобы нам было что кушать, – подбирая слова, заговорила я. – Но я бы не хотела, чтобы ты это видела.

– Хорошо, – кивнула Яна. – Я не пойду туда, подожду здесь.

– Отлично, – я улыбнулась и погладила дочь по голове. Ободряюще кивнув, я побежала догонять травницу, которая уже скрылась за забором.

Как оказалось, мои страхи были ложные. Никто не собирался вести нас на задний двор и показывать раздел туши во всей красе. Владимир проводил нас в дом и налил в кружки чай.

– Ну что, рассказывайте, – мужчина окинул нас внимательным взглядом. – На долго ли дочь приехала? Не против ли муж?

– Нет мужа, Владимир, – не лукавя, прямо отозвалась мама. – Нет и не было. Я хотела сегодня идти к тебе, да запомывала, что сегодня скот режут.

– Привела ты мне проблему, баб Веся, – староста поджал губы и нахмурился.

– Владимир, я тебя знаю, – тихо заговорила травница. – Ты толпу угомонишь, а я подсоблю.

– Василе моя помощь не помогла, – хмыкнул староста. – Но твоя дочь другая. Я надеюсь.

– Я обучу Арнику, – поджала губы мама. – Будет мне сначала помощницей, а затем и сменит. Единственную травницу тронуть не посмеют, сам знаешь.

– Но и помощи от неё долго принимать не будут, – парировал Владимир. – Отправила бы ты её в город. Внучку у себя оставь пока, а дочку отошли. Сама же знаешь.

– Знаю, но отсылать не буду, – заупрямилась мама, и я понимала причину.

– А ты чего молчишь? – староста окинул меня хмурым взглядом. – Понимаешь, что жизнь сахаром не будет?

– Понимаю, – едва шепнула, опуская голову.

Было стыдно, словно я и есть та самая падшая женщина. И ведь не расскажешь никому, что брак у меня был, да не сложился. И что Яночка зачата была уже в браке.

Повисла гнетущая тишина. Мы с травницей ждали ответа. Владимир – единственный, кто в праве выгнать меня из деревни. Как бы странно это не звучало, но староста был здесь всем... Он собирал налоги, он отчитывался перед знатью, он был судьёй и исполнителем наказания.

– Пусть Арника остаётся, – заговорил наконец мужчина, а мы с мамой облегчённо выдохнули. – Я поговорю с народом, не позволю преступить закон. Но и повода давать не надо. Веди себя тихо и благочестиво.

– Хорошо, – послушно кивнула я.

Я и не собиралась ругаться с местными женщинами и устраивать войну. Более того, я вообще не хотела с ними об-

щаться, но жизнь вносит свои коррективы. Вот и в этот раз всё пошло совсем не по плану.

Мы допили чай в спокойной, я бы даже сказала, дружественной обстановке. Владимир разговаривал с травницей о травах и отварах. Я же молча слушала. Как выяснилось, бабушка Веся была не только травницей, а точнее знахаркой. Она ещё и ветеринаром слыла неплохим. Отчего её ценность для деревни возрастала просто до немыслимых высот.

Мы уже собирались выходить из дома, как послышался крик. Кричал ребёнок, мальчишка. Громко, с надрывом.

Мы бросились на улицу. У самого входа в меня влетела Янка, она с разбега обняла меня за ноги и уткнулась в живот, громко рыдая.

– Милая, что? Что произошло? – испуганно запричитала я, осматривая ребёнка со всех сторон на предмет ран или царапин.

– Мам, я не хотела! Не хотела! Он сам первый начал!

Я присела перед дочерью и крепко обняла. Яна не конфликтный ребёнок, это я заметила ещё на Земле. Из-за частых скандалов родителей перед глазами, Яна вообще боялась громких криков и агрессии.

А чтобы дочь кого-то обидела? Да она же даже защищаться не умеет!

– Что здесь произошло? – рявкнул Владимир, переведя взгляд с орущего мальчишка на Яну. – Ну?

– Он обзывался и толкался, – практически прошептала

Яна, прижимаясь ко мне и со страхом глядя на огромного мужчину.

– Влас? А ты что скажешь? – суровый взгляд метнулся в сторону мальчика. – Ты уже взрослый, чтобы рыдать из-за разбитого носа.

– Я не обзывался! Я сказал правду! Мама говорила, что она выродок, а мамка потаскуха!

Я задохнулась от обиды и шока. Они меня ведь и не знают! И чёрт с ним, я потерплю, но зачем на ребёнка всё это вываливать?

– Иди, Влас, – махнул рукой Владимир. – Да не забудь отцу сказать, чтобы пять кнутов выписал.

– За что?! – возмутился мальчишка, а я побледнела. Здесь вполне нормально бить детей?

– За то, что обзываешься, – строго парировал староста. – А будешь спорить или пытаться обмануть, ещё добавлю.

– А ей? – Влас смирился с наказанием и махнул в сторону Янки. – Она мне кулаком ударила, в нос!

Яна вздрогнула и прижалась ко мне ещё сильнее, а я со страхом посмотрела на Владимира. Тоже розги? Но я не буду лупить дочь! Это дико!

– Яна честь свою защищала, – Сурово рыкнул староста. – К тому же, младше тебя. Разве учил тебя отец маленьких обижать?

– Нет, – Влас опустил голову, признавая ошибку.

Когда мальчишка ушёл, Владимир повернулся к нам и по-

качал головой.

– Привыкайте. Научитесь не обращать внимания, сможете жить почти как все. А ежели не выдержите, то станете как, – староста глубоко вздохнул и махнул рукой, не желая продолжать.

– Идём, Арника, – проворчала травница и повернулась к Владимиру. – Не пойду я выбирать, пусть кто-нибудь принесёт окорок, да кусочек сала. А мы потом рассчитаемся.

До дома мы дошли намного быстрее. Я уже не с таким восторгом рассматривала окрестности, думая лишь о том, как привыкнуть к такой жизни.

Фонька нас ждал у калитки. Чумазый, испачканный землёй, но с улыбкой.

– Всё сделал? – сурово спросила травница, внимательно глядя на ребёнка.

– Да, баб Веся, – кивнул подросток. – Лук без единой травинки!

– Идём тогда, пообедаешь с нами, – смилостивилась женщина и пошла в дом.

– Мама, – Яна дёрнула меня за руку, привлекая внимание, как только мы остались одни. – Я домой хочу.

– Теперь здесь наш дом, милая, – с улыбкой тихо сказала я.

Не рассказывать же ребёнку, что лучше бы мы остались. Возможно, со временем, Ярославу надоело бы за нами гоняться. Или и правда можно было бы уехать в другой город.

Эх, Валенсия. Вроде и доброе дело сделала, а вроде и сильнее угрозу навлекла.

– Руки мойте, да за стол, – травница была задумчива и неразговорчива. Вроде как праздничный обед превратился в обычный приём пищи. Фонька кидал любопытные взгляды на Янку и даже предпринимал попатки поиграть. Но Яна, напуганная ситуацией возле дома старосты, отвечать на игры не желала. Дочка быстро поела и убежала в комнату.

Вздохнув, Фонька тоже не стал задерживаться, опустошил тарелку и выбежал из дома, коротко поблагодарив.

– Помой посуду, я со стола уберу, – женщина встала со скамьи и принялась убирать остатки еды.

– Как часто бьют детей? – решила я наконец, собрав тарелки в тазик.

– Как они того заслуживают, – пожав плечами, спокойно ответила мама. – Если не принимать меры.

– Меры? – я нахмурилась. – Какие?

– Воспитательные, Аринка. Если детей с малого возраста не воспитывать, тогда приходится и розги в руки брать. В деревнях дети сами себе предоставлены, некогда родителям смотреть за ними. Пока боятся прутом по заднице получить, вроде как не сильно шалят. А если знают, что ничего им не будет, то и до убийства дело может дойти. Хватит болтать, я жду.

Я быстро ополоснула тарелки в тазике, потёрла тряпкой и окунула в другой тазик, с чистой водой. Далее полагалось

протереть посуду чистой, сухой тряпкой и поставить на место. А воду вылить на огород.

Отсутствие химии, типа жидкости для мытья посуды, позволяет так сделать.

Ополоснув оба таза, чтобы не осталось жирных следов, я повесила их на стену, на специальные гвоздики, и села на скамью, напротив мамы.

– У меня есть несколько листков, – травница вынула из сундука серые листы бумаги и маленький бутылёк с чёрной жидкостью. – Один тебе, для алфавита. А остальные Янке, ей больше надо. Я сейчас напишу алфавит, а ты заучи. Потренироваться можно и на улице, на песке палочкой рисовать будешь. Но выучить придётся быстро. Хорошо ещё, что разговорный учить не надо. Садись и смотри.

Я под села ближе и стала внимательно следить за травницей и тем, что она выводила тонким пером на серой бумаге, очень низкого качества.

– Мне знакома эта письменность, – задумчиво произнесла я, разглядывая округлы буквы. – Очень похож на грузинский.

– Наверное, – травница пожала плечами. Напротив символов этого мира, мама ставила буквы русского алфавита.

– Ты не забыла? – удивилась я. – Прошло ведь много лет, тем более без практики.

– Почему же без практики? – хохотнула женщина. – У меня есть травник. который я пишу только на русском языке.

Чтобы даже если и своруют, то ничего не поняли.

– А как же конспирация? – нахмурилась я. – Как же тайна?

– А что тайна? – фыркнула мама. – Я всегда могу сказать, что это язык учёного, который учил меня. Собственно, так и есть. Вообще, свои записи учёные стараются шифровать, во избежание кражи. Придумывают письмена, выучивают и тайные знания описывают на нём. Так что, никого этим не удивишь. Готово.

Я чуть подождала, пока чернила засохнут и, взяв листок, пошла в комнату. Буду сразу учить, вместе с Янкой.

Глава 5

Неделя пролетела незаметно. Впрочем, по-другому и быть не могло, слишком загружена оказалась жизнь в деревне. В лес мы всё же выбрались на следующий день. Правда перед этим не забыв накормить кур и козу. Козу, кстати, доить я научилась. Оказалось, что ничего сложного, а вот молоко очень полезное и вкусное. Потом меня познакомили с местными несушками. Травница ещё сетовала, что так и не смогла купить каких-то особенных, на суп.

Я растерянно посмотрела на курочек, гуляющих по загону и пожала плечами. Курицы как курицы. А вот Яне пришлось объяснять, что да, вкусная жареная курочка при жизни выглядит именно так. Конечно, дочь знала животных. Но не задумывалась, что кусочек мяса в тарелки и вот это квокчущее животное – одно и то же. Мама лишь покачала головой, заметив изумлённый и задумчивый взгляд Янки. А я вздохнула. Лишь бы сделала правильный вывод. Жизнь в деревне и так обещает быть далеко не скучной, а если ещё и дочь решит питаться только овощами и фруктами, отказавшись от мяса...

За неделю к нам так ни разу никто и не пришёл. То ли не было болезней, то ли наше появление сказалось на репутации травницы не лучшим образом. Сама мама на мои вопросы лишь отмахивалась. Какая разница, что о ней думают?

Если прижмёт, то резко забудут о неприязни и убеждениях. А глупцов разубеждать никто не будет.

Алфавит мы с Яной заучили. Дочь училась читать, а я тренировала письмо. Сегодня день выдался солнечным и, после прополки очередной грядки с мелиссой, я села на скамейку и принялась в который раз чертить буквы палочкой на земле.

– Арника, идём со мной, – буркнула мама, выйдя из дома.

Сама травница уже была собрана и держала небольшую, холщовую сумку в руках.

– А Яна? – нахмурилась я, вставая со скамьи.

– Дома посидит, не надо ей туда. А вот ты можешь понадобиться.

Пожав плечами, я забежала в дом и предупредила дочь, попросив не баловаться и из дома не выходить.

Пока шли по деревенской дороге, я хотела спросить, куда мы направляемся. Но глянув на травницу, решила не лезть с расспросами. Слишком мрачное выражение лица было у женщины.

Мы подошли к калитке небольшого дома, и я с удивлением обнаружила на крыльце Тихомира. Парень сидел, низко опустив голову.

– А ты почему не позвал? – резко спросила мама у Тихомира, привлекая его внимание.

– Матушка запретила, – глухо обронил тот.

– Матушка запретила, – передразнила мама. – Дура твоя матушка.

А я тихо вздохнула и покачала головой. Видимо, Ратибору стало хуже.

Мы прошли в дом, планировка которого была точь-в-точь как и наш домик. На кухне сидела Авдотья, утирающая слёзы. А рядом Владимир, хмуро уставившись в стол.

Женщина, как только увидела меня, резко выпрямилась.

– Ты! Это из-за неё! – зашипела женщина, поднимаясь со скамьи.

– Сядь, Авдотья, – приказал Владимир. – Не гоже обвинять других в собственной глупости.

– Не пущу её к моему Рати! Не пущу! – шипела женщина. – Пусть убирается!

– Тихомир, уведи мать, – тихо обратилась мама к парню, что зашёл следом за нами. – И не слушай её. Наслушался уже.

Тихомир кивнул и крепко обнял мать, уводя в комнату. Травница же обратилась к Владимиру, кивая на вторую дверь:

– Там лежит?

– Там, – кивнул мужчина. – Но думаю, что поздно уже.

Травница кивнула и потянула меня за собой, открывая дверь в комнату, за которой находился больной.

В нос ударил запах крови, а ещё... сладкий запах. Я кинула взгляд на кровать и судорожно вздохнула. Прав староста, лечить тут уже некого.

– Ай как плохо, – прошептала травница, подходя к кроватке.

ти и кладя руку на лоб. — Арника, выйди к Владимиру, пусть отправит за лекарем. Я постараюсь помочь, но моих сил вряд ли хватит. Иди давай.

Я быстро передала просьбу травницы, хотя сама слабо верила, что что-о можно сделать. Зато теперь я знаю, как пахнет гной.

Подавив страх усилием воли, я вернулась в комнату. Мама разглядывала ногу, на которой была огромная дыра.

— Вот, что бывает, когда мозгов нет, — грустно усмехнулась женщина. — Ну что Арника, сделаем то, что я делала не один раз в прошлой жизни.

Я непонимающе посмотрела на женщину.

— Ампутацию, — объяснила мама. — Ногу не спасти, но вот за жизнь стоит побороться.

Я судорожно вздохнула и перевела взгляд на красное лицо мужчины. Не знаю, спал ли он, или был без сознания. Но то, что у него сильный жар, сомневаться не стоило.

— Как? — только и смогла вымолвить я, понимая, что нет ни подходящего помещения. ни инструмента. Да даже банального обезболивающего нет.

— Как делала не раз, — глухо ответила мама. — Молясь, что всё пройдёт успешно. Идём, нам надо подготовиться.

Мама распахнула дверь и позвала Тихомира, цыкнув на нерадивую Авдотью.

— Тихомир, нужен самогон, кипячёная вода и тряпки. Я схожу за инструментом, а ты пока подготовь всё, что сказала.

Ещё стол освободи и накрой простынью чистой. Отца на него положим. Давай только быстрее.

Не говоря больше ни слова, травница махнула мне рукой, давая понять, чтобы я шла следом, и вышла из дома.

– Я же попала сюда тоже не с пустыми руками, – хмыкнула женщина, как только мы отошли от дома. – Лекарств при мне не было, а вот кое-какой инструмент сохранился. Только помощь нужна будет. Твоя помощь, потому что никто не должен видеть, что происходит.

– Я не уверена, что смогу, – сглотнув, прошептала я.

– А у тебя выбор есть? Ничего, сейчас травку успокаивающую выпьешь. Я одна не справлюсь.

– А почему не дождаться лекаря? – слабо спросила я.

– Не успеет приехать, – качнула головой мама. – Я не уверена, что ампутация поможет остановить заражение, но хоть что-то. А у лекаря есть лекарства и кое-какие артефакты.

– А я не уверена, что такие операции можно проводить вот так, на столе жилого дома и без анестезии.

– Можно, – усмехнулась травница. – Всякое бывало. Да и анестезия будет, хоть и не такая действенная, как в больнице.

– Самогон, – понятиливо кивнула я.

– Верно, – кивнула травница. – Будем надеяться, Ратибор выживет.

– Это из-за меня, – я тяжело вздохнула. – Мне кажется, что Валенсия не думает о последствиях помощи, которую оказывает.

– Не говори ерунды, – фыркнула мама. – Ратибор пострадал из-за своей глупости, что был так не аккуратен. И из-за глупости жены. А Валенсия... Знаешь, мне ведь тоже было нелегко здесь первое время. Мне кажется, Валенсия специально ставит человека в трудные условия, чтобы посмотреть, сможет ли спасённый выгрызть у судьбы кусочек счастья.

– Интересно, какой процент выживших? – усмехнулась я.

– А вот этого мы никогда не узнаем. Да и незачем. Вероятно, в этом есть какая-то высшая цель, понятная лишь богам.

Я не ответила. В одном я с травницей согласна: пытаться понять поступки богини заведомо провальное занятие.

Дома Яна так и сидела с книжкой в руках, с любопытством читая очередную историю. Хотя, скорее, пыталась читать. Пока ещё путалась в буквах, но очень уж хотела научиться.

– Идём, покажу тебе кое-что, – травница поманила меня за собой, в свою комнату.

Там, из-под кровати, женщина достала железный чемоданчик, которого в этом мире быть никак не могло. Распахнув его, травница тяжело вздохнула и отошла чуть в сторону, чтобы я могла полюбоваться содержанием.

– Это и есть те самые инструменты? – тихо спросила я, сглатывая.

– Именно, – кивнула мама. – Конечно, в больницах пользовались уже другими. Но вот в полевых условиях именно такой набор и нужен был.

– Процент выживания, как я понимаю, был мизерный, –

горько усмехнулась я, разглядывая инструмент, который меньше всего походил на врачебный.

Острые, заточенные ножи, не то пила, не то маленькая ножёвка, кусачки, пинцет, жгуты.

– Насмотрелась? Поторопимся, – мама закрыла чемоданчик и запихнула его в мешок.

Неожиданно раздался стук в дверь. За ней показалась мордашка Фоньки.

– Бабушка Веся, а...

– Некогда мне сейчас, – рыкнула женщина. – Присмотри за Янкой, пока мы заняты будем.

– Присмотрю, – кивнул мальчишка. – Мамка слышала, что с дядькой Ратибором произошло. Вот, передала.

Фонька протянул пузатый бутыль.

– Спасибо, – поблагодарила мама, забирая бутылку. – Победай сам, дак Яну накорми. Нас долго не будет.

– Хорошо, – кивнул Фонька. – А вы дядьку Ратибора лечить? Говорят, умирает. Жалко его, он хороший.

– Тебе все хорошие, кто мамку не обижает и тебе сахарные леденцы даёт, – усмехнулась травница. – Иди уже, Янка в комнате. И смотри мне, не обижай.

– А что это? – я потрясла бутылкой, которую несла в руках.

– Спирт, – коротко ответила женщина. – Не такой чистый, как медицинский, но лучше того варева, что может достать Тихомир.

– Им поить будем? – удивилась я.

– Нет, Ратибора самогоном напоим. Он – мужик непьющий, много не понадобится. А спиртом обрабатываем инструмент.

– Инструмент выглядит как новый. Словно, его только сделали, – покачала я головой. Перед глазами всё ещё была холодная, блестящая сталь.

– Потому что чищу и точу, – усмехнулась женщина. – Нельзя допустить, чтобы заржавел.

– Мама, я боюсь, – тихо призналась я. Отвар, который я выпила ещё дома, подействовал, но не так сильно, как хотелось бы. – Тебе не страшно?

– Я видела смерть множество раз. Не забывай, кем я была раньше. Да и работа травницы не такая уж и спокойная. Вообще, такими операциями занимаются именно лекари, травницы же просто простуду лечат, да боли в спине. Но, когда на всю округу ты единственный человек, который знает, с какой стороны к ране подойти, выбора не остаётся. А страх... Страх уйдёт.

– Я даже уколы никогда не колола, – призналась я. – Страх причинить боль во мне слишком силён.

– Ты в корне неверно мыслишь, – оборвала меня мама. – Ты же понимаешь, что это во благо, а не просто так, захотелось поиздеваться. У нас не концлагерь, опыты не ставим. Лишь хотим помочь, хотим спасти жизнь хорошему человеку. Фонька прав, Ратибор действительно заслуживает уваже-

ния, не говоря уж о жизни. А об Авдотье не думай, к тебе она не подойдёт. Да, будет язык распускать, да, коситься. Но не тронет ни тебя, ни Янку. Это склад характера такой. Болтает, но грань не переходит. А Ратибор, если выживет, быстро язык жёнке прищепит. У него с этим строго.

– Я её и не боюсь, – усмехнулась я. – Мама, ты уверена, что отвар поможет не рухнуть в обморок?

– Не уверена, – вздохнула она. – Но если ты позволишь себе упасть, как благородная леди на балу, то считай, что Ратибор помер. Одна я не справлюсь, а больше никому нельзя показывать инструмент.

– Я постараюсь, правда, – шепнула я, сжимая бутылку леденеющими пальцами.

Только вот чем ближе мы подходили к дома Авдотьи, тем сильнее накатывал страх. А я поняла, что искренне завидую людям, которые в экстренных случаях могут мыслить здраво. Я к таким людям не относилась.

А ещё я поняла одно, если у меня получится выдержать операцию, то я стану травницей. Ещё не знаю, как сложится моя жизнь, но я знаю себя. Если Ратибора получится спасти, я не брошу это дело.

– Я всё принёс, – Тихомир смотрел на нас с надеждой и толикой панике.

– Хорошо, – кивнула травница. – Клади на лавку, а простыни мне дай. Арника, помоги.

Мы застелили стол простынью, предварительно убрав всё

с него и протерев тряпкой.

– Тихомир, неси батьку на стол. Положи его.

Когда Тихомир вышел, женщина перелила самогон в пустую банку и поманила меня рукой.

– Знаешь, когда-то этот способ считался едва ли не самым лучшим, чтобы отправить больного в глубокий сон. Со временем научились делать обезболивающее, но именно этот способ быстр и прост, когда вблизи нет обезболивающего.

– Напоить алкоголем? – непонимающе переспросила я. – Неужели можно настолько много выпить?

– Можно, – усмехнулась мама. – Можно и помереть от отравления. Но я сейчас не о чистом алкоголе. Идём со мной, только так, чтобы никто не видел.

Я вышла следом, на улицу. И не поняла сразу, зачем травница срывает цветы.

Пока не увидела, что это за цветы...

– Это обязательно? – прошептала я.

– Иначе, Ратибор умрёт от болевого шока, – объяснила женщина, выдавливая сок в бутылку с алкоголем. – Будем надеяться, что поможет.

– Значит, уверенности нет? – спросила я, внимательно следя за приготовлениями.

– Абсолютно никакой, – вздохнула травница. – Идём, пора приступать.

Я никогда не хотела стать врачом. Эта благородная профессия вызывала во мне ужас. Не само название, естествен-

но. А то, с чем приходится сталкиваться. Сейчас же мне приходилось внимательно наблюдать за операцией, подавляя тошноту и головокружение. Хлопнуться в обморок, оставив травницу разбираться самостоятельно, значит собственно-ручно убить пациента.

Напоив Ратибора алкоголем, мы дождались, пока он уснёт. Не знала, что без специальных лекарств сон может быть настолько крепок. Я даже усомнилась, а сможет ли он проснуться.

– Не отвлекайся, – рыкнула мама, внимательно разглядывая рану.

– Может дождёмся лекаря? – тихо спросила я, лелея надежду.

– Мы дождёмся, а вот он, – травница ткнула пальцем в Ратибора, – сомневаюсь. Погоди, я думаю.

Травница внимательно разглядывала рану, которую только что очистила от белёсых сгустков и крови.

– Знаешь, возможно ты и права, – пробормотала мама, выпрямляясь. – Кость не задета, пока пострадали только мягкие ткани.

– Значит, если засыпать всё это обеззараживающим средством, то он может не лишиться ноги? – с надеждой спросила я.

– Просто засыпать, дорогая моя, не получится. И замазать тоже. А вот если удалить повреждённые ткани, то есть веро-

ятность спасти ногу.

Я сглотнула комок, вставший в горле. Мамина травка немного успокаивала, но от запаха тошнило неимоверно.

– Подай скальпель, – донёсся до меня глухой голос травницы.

Вытащив инструмент из тарелочки со спиртом, я протянула его маме, а сама позорно отвернулась, не выдержав.

– Зря, – усмехнулась женщина. – Научить чему-то другому я тебя вряд ли смогу. А травница себе на жизнь зарабатывает всегда.

– Я буду собирать травы и продавать их, – тихо пробормотала я.

– Тоже можно, – согласилась мама. – Только это не очень-то и доходно. В больших городах таких ушлых немало. А в деревне просто продавать травы не имеет смысла.

Я тяжело вздохнула и повернула голову, понимая – травница права, на травках далеко не уедешь. И будь я одна, то легко бы выжила. Но у меня есть Янка, которой нужна если не богатая жизнь, то хотя бы хорошее образование и нормальная пища.

От вида красной плоти замутило сильнее. Абстрагироваться не получалось, поэтому сцепив зубы, я внимательно наблюдала за процессом удаления повреждённых тканей.

По тяжелому дыханию травницы было понятно, что женщина устала. И от неудобной позы, потому как зрение её уже было не идеально и приходилось работать согнувшись. И от

ювелирной работы, чтобы не повредить ненароком артерию.

Как только рана была очищена, травница устало села на лавку, отложив скальпель.

– Разведи спирт тёплой водой, – попросила женщина. – Надо обеззаразить рану.

Я кивнула и плеснула воды в наполовину опустевший бутыль. И только тогда поняла, что мама слишком устала, а значит...

– Теперь полей рану. Только хорошо, не упуская участков. Затем возьми в сумке банку с зелёной мазью и наложи на рану.

– Я же не умею, – пискнула я, но травница лишь глянула, отбивая всякое желание спорить. – Хорошо.

Открыв банку, я неуверенно посмотрела на рану.

– Представь, что это просто говядина, – пробормотала я еле слышно.

Но мантра не помогала. Ничего не помогало. Я чувствовала, что ещё немного и я скачусь в истерику. Позорно разревусь или завизжу, что есть силы.

– Если совсем сложно, возьми тряпочку, – вздохнув, предложила травница. – Только смочи её в спирте сначала. А потом хорошенько выжми.

Это уже было проще. Голыми руками притрагиваться к ране не хотелось.

Смочив тряпочку, я с силой выжала и обмакнула в мазь. Она оказалась густой и жутко вонючей. Стараясь дышать

ртом, я начала быстро наносить мазь. С каждым движением, рана покрывалась лекарством и становилась болотно-зелёного цвета. Если постараться, то можно представить, что там, под слоем мази, не рана, а всего лишь царапина.

– Хватит, разошлась, – усмехнулась мама. – Теперь нужно замотать рану, только плотно.

– А шить не надо? – удивилась я.

– А там есть что шить? – вопросом на вопрос ответила травница. – Бери тряпку и сложи в несколько слоёв. А простыню замотаем ногу.

– А как сбить жар? – спросила я, пока накладывала повязку. – Он весь горит.

– Пока не надо, – мотнула головой травница. – Ратибор проснётся ещё не скоро, а поить, пока он без сознания, бесполезно.

Как только я закончила, то принялась убирать инструменты и баночки. Стараясь не смотреть, закинула отходы в мешок и затянула шнурок.

– Тихомир, – позвала мама громко. – Забирай отца, положи на кровать.

Дверь тут же распахнулась, являя нам угрюмого парня, который со смесью страха и надежды посмотрел на мужчину.

– Не бойся, жив он. Просто спит, – отмахнулась женщина. – Надеюсь, лечение поможет. И ради всего святого, не подпускай ты полоумную мамашу к нему! Иначе загубит всё

лечение. Как проснётся, сразу беги за мной. А лучше, отправь кого-нибудь, а сам не отходи от батьки.

– Хорошо, баба Веся, – кивнул Тихомир, поднимая отца на руки.

Я в который раз подивилась силе парня. Ратибор не маленький, да ещё и без сознания. А Тихомир таскает его, словно вязанку дров.

Путь домой мы преодолели в полном молчании. Зайдя домой, я в первую очередь проверила, как там Янка. Но она спокойно играла с Фонькой и лишь мельком глянула на меня.

Чувствуя, что меня пошатывает, я вышла на улицу и отошла в конец двора, глубоко и часто дыша. Меня всюду преследовал сладковатый запах гноя и крови. Стоило мне прикрыть глаза, как картинка с огромной раной вмиг предстала перед глазами. Упав на колени, я упёрлась ладонями в сырую землю. Глубокое дыхание не помогало, а желудок начало скручивать спазмами.

Избавившись от нехитрого завтрака, я вытерла рот и разрыдалась. Страх, шок и желание сбежать на край света горели в груди, душили, заставляя подвывать. Невозможность что либо изменить давила бетонной плитой.

– Ну тише-тише, – раздался голос травницы за спиной, а на голову легла тёплая рука. – Ты справилась, ты молодец. Ничего, привыкнешь. И я плакала, и та, к кому я попала, тоже. Не всегда получается быть сильной. Но выбор

не большой, ты либо выдержишь, справишься, либо погибнешь. А ещё, у нас проблема. Крупная проблема, Аринка. И я не знаю, как её решить.

– Какая? – убрав руки, я посмотрела на женщину и охнула, увидев в её руках свои кроссовки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.